

Подвижно, чётко и ритмично

Подожду́т меня берёзки день, другой,

..де лю... Раз нашлись пила и доски, я возьмусь за дело. Доски чисто

обстрогаю, краской их покрою... Что получится, не знаю... Что по-

Для повторения

лучится, не знаю... Но люблю я строить, но люблю я

Для оконч.

строить! //строить! Не получится? Бывает... Не получится? Быва-

..ва. ет... Вырасту- построю! Вырасту-построю!

Люблю я строить!

Слова Зиновия Ямпольского

Музыка Леонида Печникова

Подождут меня берёзки
день, другой, неделю...
Раз нашлись пила и доски,
я возьмусь за дело.
Доски чисто обстрогаю,
краской их покрою...
Что получится — не знаю.
Но люблю я строить!
Вот родился план

прекрасный:
вижу сквозь окошко,
как свою построю сказку—
дом на курьих ножках.
Вот уже доска по краю
режется пилою...
Что получится — не знаю.
Но люблю я строить!
Разыскал я гвозди, краску,
для белил посуду...
Как легко придумать
сказку,

а построить трудно.
Лист фанеры разрезаю —
пыль стоит стеною...
Что получится — не знаю.
Но люблю я строить!
Не получится! Бывает...
Вырасту — построю!

СОЮЗ РЕСПУБЛИК
50

газета
«Ленинская
искорка» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

АВГУСТ ● 1972

год издания XVI

Шайхи АРСАНУКАЕВ

Я В ДОЛГУ

Мама, я перед тобой в долгу, —
Ты мне жизнь, родная, подарила.
Быть неблагодарным не смогу,
Как бы жизнь со мной ни поступила.
Ну, а ты, учитель первый мой, —
Позабуду ль я твои уроки!
Я в большом долгу перед тобой,
К знаниям ты открыл мне путь

широкий.

Горы, земляки мои, друзья!
Я в долгу огромном перед вами:
Честью дорожить научен я,
Не бросаться попусту словами.
Родина, великая страна!
Благодарен навсегда тебе я
И за то, что в мире ты — одна!
И за то, что нет тебя роднее.
Время, я в долгу перед тобой,
Я — должник двадцатого столетья.

*Удостоен я судьбы такой:
В славную эпоху жить на свете.
А передо мной нелёгкий путь,
А передо мной — моя планета.
Должен я долги свои вернуть!..
Только жизни хватит ли на это?*

УТРО

*Вспорхнуло утро над селом неслышно,
Как сизый голубь, пущенный из рук.
Стоит невестой в белом платье вишня
Меж яблонек —
Застенчивых подруг.
Звеня пустыми вёдрами,
По тропке
Горянка к роднику спешит чуть свет.
А солнце зачарованное,
Робко
Из-за горы привстав,
Глядит ей вслед.*

Перевёл с чеченского Сергей ВОЛЬСКИЙ

Рис. В. АДАЕВА

РАССКАЗ О МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЕ И ЧЕТЫРЁХ КРАСКАХ

В ОДИН из июльских дней 1945 года шла по улицам девушка в солдатской шинели с чёрными погонами. На погонах поблёскивали скрещённые стволы пушек и тоненькая полоска ефрейтора. На голове у девушки — пилотка, за плечом — вещевой мешок.

Она шла медленно, осматриваясь по сторонам, и улыбалась.

Прохожих было мало. Город выглядел опустевшим, улицы просторными.

Было жарко, но девушка не снимала шинели, а всё шла и шла. И слушала удивительную тишину, не потревоженную ни воем бомб, ни глухими разрывами снарядов. Ведь война окончилась! Подумать только — окончилась!

Три года не была девушка дома. Три года защищала она

родное ленинградское небо от фашистских самолётов. И вот идёт домой. И не торопится. Ведь её дом — не только комната, где жила она до войны с родителями.

Весь город её дом!

Иногда девушка останавливалась возле объявлений, наклеенных на заборах и стенах, и с удовольствием читала их:

«Требуются!.. Требуются!.. Требуются!..»

Кто только не требовался оживавшему городу: токари и механики, пекари и водопроводчики, монтажники, шофёры, столяры, плотники, строители всех специальностей... Кто только не требовался!

Девушка вдруг нахмурилась. Улыбка исчезла. «А у меня нет специальности», — подумала она огорчённо и тотчас

решила: «Ничего. Приобрести. Выучусь!»

Так дошла она до своего дома, оглядела его серые стены со щербинами от осколков, вздохнула, а потом весело улыбнулась, отдала дому честь и громко отрапортовала:

— Ефрейтор Мария Щаденко прибыла с войны!

НАЧАЛЬНИК БУМАГИ

Не может человек жить ничего не делая. Даже если он только что вернулся с войны.

Очень хотелось Марии работать, но она никак не могла выбрать профессию. Кем стать? Куда пойти? Ох, не просто это! Ведь на всю жизнь выбираешь. А люди нужны везде — просто глаза разбегаются.

Однажды в почтовом ящике Мария обнаружила жёлтый конверт. На конверте штамп:

«Типография им. Ивана Фёдорова». Сначала она подумала, что конверт попал в ящик по ошибке. Но на конверте был написан её адрес. И фамилия её.

Мария вскрыла конверт, а в нём — жёлтая бумага с таким же штампом. Типография имени Ивана Фёдорова приглашает Марию Щаденко на работу.

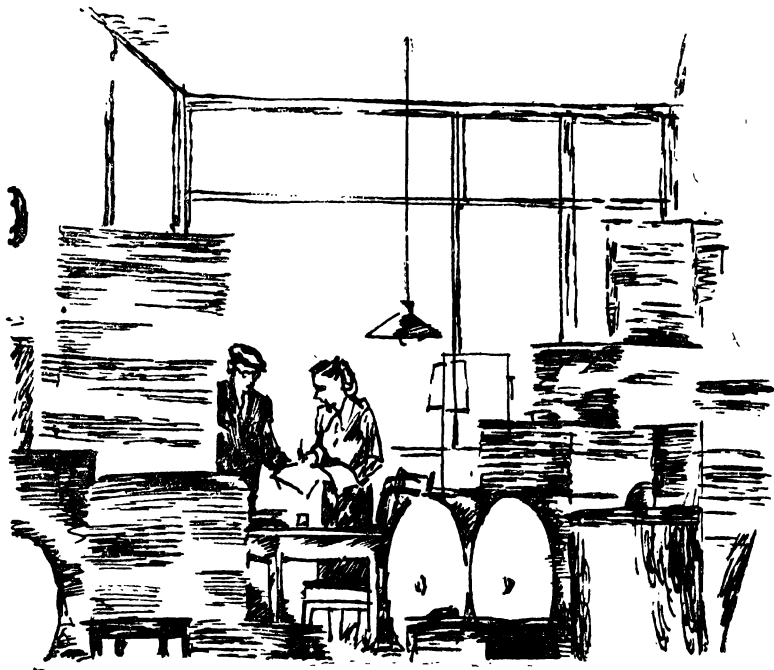
И Мария пошла в эту самую типографию на Звенигородскую улицу.

В отделе кадров седая женщина взяла у Марии конверт и пригласила сесть.

— Это хорошо, что вы пришли. Нам дали ваш адрес в военкомате. Вот мы вас и пригласили.

— Но я ничего не умею, — тихо сказала Мария. — У меня специальности нет.

— Вам всего двадцать один

год, — улынулась женщина. — Всему научитесь. А пока поработайте на складе. Будете сами себе и заведующей, и заместителем, и рабочей. Коротче говоря, начальником бумаги! Согласны?

«Верно, — подумала Мария, — поработаю, присмотрюсь».

Она встала, оправила гимнастёрку, сказала решительно:

— Согласна.

Склад помещался во дворе.

Марию посадили в маленькую конторку со стеклянной стенкой.

Когда к складу подходила машина с бумагой, она принимала груз, укладывала тяжёлые пачки бумаги в высокие бумажные стопы, записывала в журнал, сколько и какой бумаги привезли. А потом выдавала бумагу в цехи.

Бумага была разной. Плотной и тонкой, гладкой и шершавой. Белой-белой и голубоватой, как снег. Попадалась и бледно-жёлтая или розовая. У каждой были своё название и свой номер.

На складе стояла тишина. Только бумага сама по себе шуршала, словно листы шептались. И пахло тёплой бумажной пылью.

А от рабочих, которые приходили за бумагой из цехов, пахло, как от свежих газет, краской. И ещё металлом, станками... Рабочие грузили бумагу на маленькие тележки и увозили в цехи.

Цехи шумели в соседнем длинном трёхэтажном здании. Все названия цехов Мария

знала, но никогда не была в них. Выкроила она как-то свободный часок и пошла по цехам.

ВОЛШЕБНИКИ И ЧУДЕСА

В наборном цехе рабочие трудились, стоя возле высоких столов со скошенными крышками. Край, что подальше от рабочего, — повыше, а ближний — пониже. И крышка в общем-то не крышка, потому что разделена на множество ящичков — касс, а в кассах лежали свинцовые литеры — буквы. Набор. Всё это Мария узнала потом, а в первый раз очень удивилась.

Неподалёку от входа работал молодой рабочий-наборщик в синем, блестящем от свинца халате. Мария подошла поближе. Руки наборщика, словно птицы, летали над столом, пальцами, будто клювом, выхватывали в кассах литеры. Быстро-быстро.

— Здорово! — удивилась Мария. — И не ошибаешься?

— Хоть глаза завяжи, — усмехнулся наборщик.

— Давай, — сказала Мария и сняла с шеи косынку.

— Чего давай?

— Завяжу.

Наборщик засмеялся:

— Завязывай.

Мария повязала наборщику косынку на глаза. Наборщик слёпо провёл руками по краям стола.

— Чего набирать?

— А чего хочешь?

— Как твоё имя?

— Мария.

— А дальше?

— Васильевна Щаденко.

В левой руке наборщика оказалась маленькая металлическая коробочка-верстатка, а правая начала быстро взлетать над наборной кассой, выхватывая буквы из гнезд и ставить их одну к другой.

— Готово, — наборщик протянул Марии верстатку.

— Неправильно, — сказала она.

— То есть как это неправильно? — обиделся наборщик и снял косынку с глаз.

— «М» впереди должно быть.

— Не с той стороны глядишь, — улыбнулся наборщик. Он взял листок бумаги и придавил его к буквам. На листке отпечатались «Мария Васильевна Щаденко». — Буквы-то в наборе перевернуты, — пояснил наборщик. — Если бы я набрал, как читается, — знаешь что получилось бы?

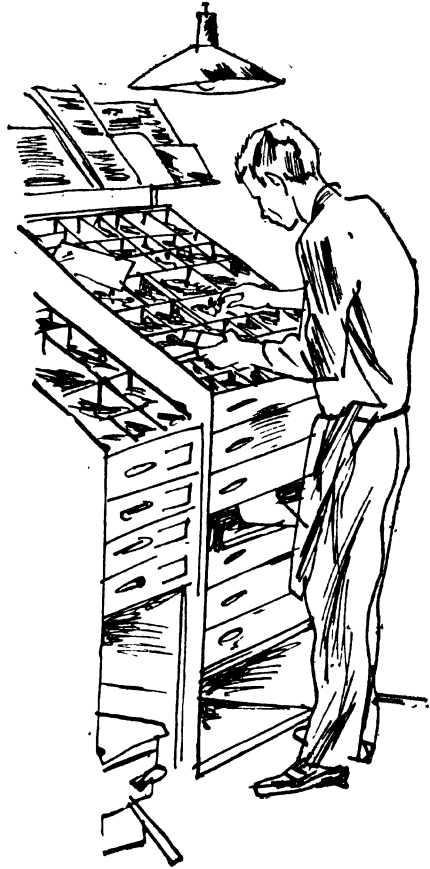
— Ну?

— ОкнедаЩанвельисаВ яираМ! — быстро сказал наборщик и засмеялся.

И Мария засмеялась, помახала наборщику рукой и пошла дальше. А сама подумала: «Не стать ли и мне наборщицей?»

ВТОРОЙ цех назывался «печатным». Здесь стояли машины. В них что-то вертелось, скользило, ритмично постукивало. Машины дышали тяжело: у-у-ух, у-у-ух, у-у-ух!..

Рядом с машинами Мария увидела стопки нарезанной бу-

маги, которую она недавно выдала со склада. Машина схватывала листы по одному и словно глотала их. Р-раз... И очередной лист исчезал.

А с противоположной стороны машина выбрасывала бумажные листы. Только на них уже были отпечатаны чёрной краской и текст и картинки. Краска поблёскивала и остро пахла.

Мария долго стояла возле этой машины. Потом перешла к другой.

Другая машина тоже печатала картинки. Только эти картинки получались бледно-жёлтые, словно их печатали не

краской, а яичным желтком. «Брак!» — подумала Мария и тревожно оглянулась. Непода­лёку стоял печатник в запят­нанной красками спецовке. На голове у него был пятнистый берет.

Мария подошла к нему:

— Товарищ, у вас брак идёт!

— Брак? — встревожился печатник. Он внимательно осмотрел появляющиеся из ма­шины картинки и пожал пле­чами. — Не вижу.

— Вот же! — сказала Ма­рия. — Все картинки жёлтые, ничего не разглядишь!

Печатник даже рот раскрыл от удивления:

— Да ты откуда взялась?

— С бумажного склада.

— Оно и видно! Моя маши­на только жёлтой краской пе­чатает. Понятно?

Мария часто-часто заморга­ла. Печатник поманил её пальцем:

— Ну-ка пойдём! — И при-

вёл к средней машине: —
Смотри!

В эту машину шли жёлтые картинки, а выходили из неё желто-красные.

— Каждую краску отдельно печатают. Жёлтую, красную, синюю и чёрную, — пояснил печатник, — и после четвёртой краски в конце концов полу­чается вот что, — и он показал Марии законченную картинку.

Мария посмотрела и восхи­тилась:

— Как красиво! Трава — зе­лёная, стволы сосен — корич­невые, на голубом небе серые облака!

— Верно, — обрадовался печатник. — А красок всего че­тыре.

— Чудеса! — удивилась Ма­рия.

— А у нас тут что ни чело­век — волшебник, что ни рабо­та, то чудеса, — засмеялся пе­чатник. — А ты говоришь «брак». Вот если клише не по­догнаны, тогда действительно брак.

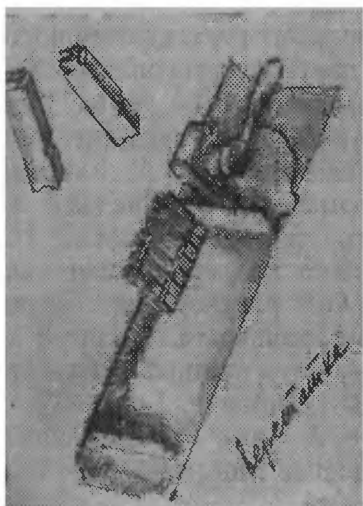
— Клише? — переспросила Мария.

— Вот такие металлические пластинки, — пояснил печат­ник и протянул Марии серебристую пластинку. Пластинка была местами шершавой, а ме­стами гладкой, лысой.

— На каждую краску — своё клише, — сказал печат­ник. — Пропустил четыре кра­ски, получил цветные сказки. Тонкое дело.

«Действительно тонкое, — подумала Мария. — Вот бы мне стать печатницей!»

— Послушайте, а откуда вы

их берёте, эти самые клише? — спросила Мария.

— Цинкография даёт. Травильщики. — Он подмигнул Марии, улыбнулся и заторопился к своей машине.

А Мария пошла дальше. «Какое смешное слово «травильщики». Чем они занимаются? Кого травят? Мышей, что ли? При чём тут тогда металлические пластинки-клише?»

СЛЕДУЮЩИЙ цех был большим и светлым. Справа и слева, вдоль стен и возле окон стояли столы. И только в середине цеха женщины в синих халатах что-то печатали на маленьких станках. Станки были много меньше, чем машины в печатном цехе.

Мария подошла к одному из столов, за которым сидел пожилой рабочий.

На столе лежало множество диковинных инструментов, каких Мария никогда в жизни не видела. Из стакана торчали разных размеров кисточки. А на подставке — на такую музыканты кладут ноты — стояла картина: сине-зелёное море, а в море корабли.

Рабочий положил перед собой металлическую пластинку-клише — на пластинке были тоже корабли и море — и натёр её белым порошком. Потом рабочий взял в одну руку инструмент, похожий на стамеску, а в другую — увеличительное стекло-лупу и стал, посматривая в лупу, легонько скрести пластинку. В тех местах, где

он скрёб, клише начало поблёскивать.

Потом он взял иглу в деревянной оправе, похожую на карандаш, и стал ею покалывать в углу пластинки. Потом взял кисточку и начал отдельные части клише замазывать чёрной краской.

Мария долго смотрела, всё хотела понять, что рабочий делает. Но ничего не поняла и спросила робко:

— Скажите, пожалуйста, зачем вы её то ковыряете, то красите? Эту клишу?

Рабочий посмотрел на неё искоса:

— Клише не она, а оно. А ты кто, откуда?

— Я с бумажного склада.

— Так-так... Держи-ка лупу.

Мария взяла лупу.

— Смотри сюда, — рабочий постукал пальцем по клише.

Мария посмотрела в лупу и увидела на клише сетку из маленьких точек.

— Что ты видишь?

— Точечки.

— Правильно. Именно точечки, — сказал рабочий удовлетворённо. — Потому что именно из этих точечек построен цветной рисунок. Но есть и лишние точечки. Я их убрать должен. Как я это сделаю? Я их не закрасю. А пластинку потом положу в кислоту. Кислота разъедает цинк. Она разъест незакрашенные точечки. Они растворятся. И останутся только те, которые должны дать нужный цвет. Это и есть травление.

— А вы травильщик? — спросила Мария.

— Именно травильщик. Совершенно верно.

— Вот оно что! — сказала Мария. — И с этого клише будут печатать жёлтой краской?

— Нет, синей. А вот с этого — жёлтой, — сказал рабочий, беря в руку другую пластинку.

Пластинка была точно такой же, и Мария сказала:

— Они же одинаковые.

Рабочий усмехнулся:

— Я бы этого не сказал. На них один и тот же рисунок, но они очень разные, смею вас уверить — ряды точек идут в разных направлениях. При печатании они не должны совпадать, накладываться одна на другую. Как вы полагаете,

что мы увидим, если жёлтые точки расположатся рядом с синими?

Мария подняла брови.

— Получатся синие и жёлтые полосы.

— Заблуждение, — сказал рабочий. — Получится зелёный цвет.

— Зелёный? — удивилась Мария.

— Именно зелёный. Да представляете ли вы себе, что такое цвет?

Цвета бывают холодные и тёплые, живые и мёртвые, раздражающие и успокаивающие. Цвет можно разделить и собрать его снова. Цветом можно лечить болезни. Можно заставить человека

смеяться и плакать. Цвет — это чудо, уважаемая! Его мало увидеть глазами, его надо ощущать всем существом своим.

Вот, к примеру, чёрный. Чёрный цвет — глухая ночь. Он давит. Замирает дыхание. Безотчётный ужас охватывает вас. Чёрный цвет — цвет траура. Попробуйте покрасить потолок в комнате в чёрный цвет. Вы перестанете смеяться. У вас пропадёт аппетит. Мы не зря называем измену — чёрной, неблагодарность — чёрной, несчастного человека — тёмным человеком.

А белый цвет! Чисто-белый! Ослепляет. От него устаёшь. — Рабочий закрыл глаза, словно взглянул на чисто-белый цвет...

И Мария прикрыла глаза и вспомнила...

БЛОКАДА

(Рассказ о чёрном цвете)

В ту страшную чёрную блокадную зиму ей исполнилось шестнадцать лет.

Улицы были завалены сугробами. От дома к дому тянулись тёмные тропки. Снег лежал слоями на карнизах, свисал тяжелыми глыбами с крыш. Застрявший после бомбёжки трамвай с выбитыми стёклами утонул в этом белом-белом, без искорок, мёртвом снегу.

Окна домов черны — ни огонька. В сумерки они сливались с чёрными стенами в чёрные горы до самого чёрного неба.

И лица редких прохожих были чёрно-белыми. Белыми от

голода и стужи. Чёрными от горя.

По утрам Маша стояла в молчаливых чёрных очередях, чтобы получить маленький, словно кубик от строительного конструктора, тёмный кусочек хлеба.

В городе рвались фашистские бомбы и снаряды. А между взрывами город паутиной опутывала зловещая тишина.

Молчали водопроводные краны — не было воды.

Онемели звонки у дверей — не было электричества.

Не трещали в печках дрова — нечем было топить.

И только в чёрных тарелках репродукторов отстукивало время: тук-тук... тук-тук... тук-тук...

В комнате, где жили Маша с мамой, поставили маленькую железную «буржуйку». От «буржуйки» тянулась чёрная труба. А в углах комнаты белел иней.

«Буржуйка» была неприхотлива. Она довольствовалась ножками от стульев, щепками, бумагой.

Одежду не снимали ни днём ни ночью. Берегли тепло.

После булочной Маша брала санки, ставила на них чайник и бидон и медленно брела по улицам к реке.

Летом река была близко, минут пятнадцать ходьбы. А теперь улицы стали длинными, а лёгкие санки — тяжёлыми. И приходилось идти долго-долго. И стараться не поскользнуться, не упасть. Упадёшь — пропадёшь.

Добредя до реки, Маша спу-

скалась по скользким ступенькам на лёд, к проруби. Прорубь была чёрной среди снежной белизны, и над ней вился лёгкий парок.

Маша садилась на санки и отдыхала немного. Потом черпала чайником чёрную воду и наливала её в бидон.

Однажды Маша дотащила санки до проруби, присела отдохнуть, закрыла глаза и словно провалилась в густую вязкую тьму.

Кто-то встряхнул её за плечо.

Веки слепило морозом, и Маша с трудом разлепила их. Она увидела женщину в полушубке и чёрном платке. Лицо у женщины было худое, бледное, ресницы заиндевели.

— Не сиди, идём... Замерзнешь. Где ты живёшь? Тебя проводить?

Женщина сама еле стояла на ногах.

— Не надо. Спасибо.

Маша взялась за чайник, чтобы набрать воды, но он был полон, и бидон полон.

— Спасибо, — ещё раз сказала Маша и побрела домой.

Улицы стали ещё длиннее, а санки ещё тяжелее, словно положили на них каменную глыбу.

Ветер взвихрил на перекрёстке белый снег и бросил его в чёрную подворотню...

МАРИЯ встряхнула головой. Потом нахмурилась и сказала тихо:

— Знаете, Ленинград во время блокады был чёрным и белым.

Рабочий кивнул:

— Верно, именно чёрным и белым. А в день Победы — красным, синим и золотым. —

Он улыбнулся. — Цвет — удивительно выразительная штука!

Вечером Мария шла домой, присматривалась ко всему. Оказалось, мир вокруг был полон красок.

Пламенело закатное небо.

Алели вагоны трамваев.

Сочно-зелёная листва деревьев издали казалась нарисованной на серых стенах домов.

«А травильщик берёт жёлтые и синие точки и складывает из них зелёный цвет — траву, деревья», — подумала Мария и улыбнулась.

Дома она отыскивала цветные карандаши, взяла листок бумаги и стала ставить рядом жёлтые и синие точки. Но точки так и оказались точками. Зелёного не получилось.

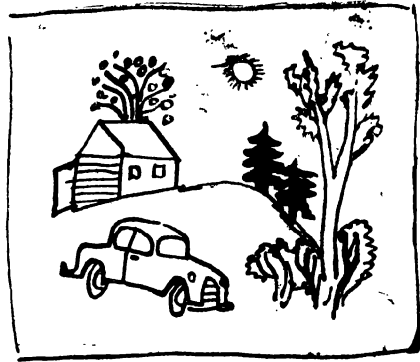
«Не так просто», — подумала Мария. Но она научится. Она заставит их стать зелёными! И будет управлять цветом, раскладывать его и складывать снова. Она научится. Она станет цветным травильщиком! Какая удивительная профессия!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

В этот день Мария встала рано, куда раньше обычного.

Утро было праздничным. В окно врвались солнечные лучи, в них весело плясали пылинки. Мария прибрала в комнате, напилась чаю, надела праздничную белую блузку и синюю юбку и — пошла в типографию. Она шагала по просторным, залитым солнцем улицам и тихонько напевала. Так ей было хорошо!

Она впервые шла в свой но-

вый цех. В цинкографию. Это праздник, большой праздник, когда человек идёт в свой цех. Не просто так, не на экскурсию, а на работу. В такой день человеку и радостно, и чуть-чуть страшновато: что-то его ждёт впереди?

В цехе было тоже тихо и солнечно. На столах травильщиков лежали свежие цветные оттиски, пахло типографской краской. Марии нравился этот запах. Она втянула носом воздух, словно принюхивалась, и тихонько засмеялась. Потому что представила себе, как сидит она за этим столом, нет, лучше за тем, где много солнца, а перед нею, на подставке вроде нотной, стоит картина. Какая? Неважно. Ну, хоть сосновый лес, к примеру.

И вот сидит она, Мария, и трудится над цинковыми пластинками — клише, чтобы потом напечатали тысячи, да нет — десятки, сотни тысяч точно таких же картин. И любой человек сможет принести такую картину домой, глядеть на неё и как бы войти в лес и ощутить смолистый запах сосен.

Вот только как она будет трудиться над цинковыми пла-

стинками, Мария представляла себе смутно. Ведь она ещё не столкнулась с тайнами мастерства, а в каждом деле обязательно есть свои тайны. Она ещё и инструменты в руках не держала, ещё и названий их не знает. В общем, Мария понимала, что учиться придётся. И не день, и не месяц, может быть, даже не один год. Что ж, она готова. Всякому делу сперва надо учиться.

Начальник цеха подвёл её к тому самому пожилому рабочему, который рассказывал ей про цвета.

— Вот вам, Николай Фёдорович, ученица — Мария Щаденко.

Николай Фёдорович, чуть сощурился, посмотрел на Марию, улыбнулся и спросил:

— А, это опять ты?

— Я.

— Хочешь стать цветным травильщиком? Гляди, дело не простое. Не передумаешь?

— Нет.

— Ох, Маруся, хлебнёшь горяшка, прежде чем получится что. И слёз прольёшь целый ручей! И руки не раз опустятся, пока до тайны доберутся. Не испугаешься?

— Нет.

— Ну гляди. — Николай Фёдорович снова внимательно посмотрел на Марию и повёл её в противоположный конец цеха. Там на длинном деревянном столе лежали какие-то плоские серые плиты, похожие на жернова, которыми в старину на мельницах мололи зёрна.

Николай Фёдорович похлопал одну из плит ладонью по боку:

— Это — типографский камень. Наша вспомогательная единица. А вот это, — Николай Фёдорович взял со стола чёрную от краски лопатку, — это шпатель называется. Запомнила? Так вот, надлежит тебе этим шпателем на этом камне растереть вот эту чёрную краску. А то она густа для дела. Растереть её надо так, чтобы она как растопленное масло стала. Сумеешь?

Мария пожала плечами:

— Чего ж тут не уметь?

— Ну-ну, — кивнул Николай Фёдорович и ушёл к своему столу.

А Мария поцарапала зачем-то бок жёсткого камня, потом

взяла шпатель и стала накладывать краску из банки на камень.

Краска была чёрной-пречёрной и пахла горелым асфальтом. Она липла к камню, к шпателю, к пальцам. Она сопротивлялась упорно, будто понимала, что растирают её неумелые руки.

Скоро Марии стало жарко, на лбу выступили капельки пота. Она тыльной стороной ладони стёрла их. А краска словно бы того и ждала. Р-раз! — и перебралась на лоб.

А Мария ничего не замечала. Она рассердилась на краску: «Ты упорная, а я ещё упорней!» — и тёрла, тёрла, тёрла...

Яркое солнечное пятно переползло со стола на камень, прямо под руку Марии. Будто солнце хотело помочь ей растереть упрямую краску.

И Мария вспомнила: такое же яркое солнце светило в далёкое утро, когда она шагала на батарею вместе со старшиной.

(Окончание следует)

Дм. МАЛКИН

Рисунки Н. НАТАРЕВИЧ

ПТИЧИЙ ОБЫЧАЙ

Есть такой обычай птичий:
 если петь, так без
 различий —
 добрым людям и сердитым,
 незаметным, знаменитым,
 крокодилам, паукам,
 мудрецам и дуракам,
 некрасивым и красивым,
 трусам, смелым, рыжим,
 сивым,
 полю, лесу и луне...
 И самим себе,
 и мне.

ЧУДАК

Жил да был один чудака —
 это раз и это так.
 Ноги, пузо, голова —
 это так и это два.
 Прикорнувши до зари —
 это факт и это три, —
 в сутки он умел проспать
 раз, два, три, четыре, пять
 и т. д. до 24-х часов.

СКУКА—НЕ ВЕСЕЛЬЕ

ТУДА-СЮДА качели, туда-сюда. Эх, вот если бы хоть один разок можно было качнуться между двух берёз и полететь, полететь, может быть, даже к самому солнцу, а потом... Потом, может быть, ещё дальше — за солнце, а потом...

Туда-сюда качели, туда-сюда. Две короткие верёвки, согнутый лом над головой, две высоченные берёзы по бокам, и всё. Качнёшься назад — вытопанная земля под ногами, качнёшься вперёд — улетает из-под ног лужайка, изгородь за нею, и четыре дома вдоль шоссе, и высоковольтная линия, и дальний лес, но до неба и солнца всё равно далеко.

Туда-сюда качели, туда-сюда. Утром, в обед, вечером, позавчера, сегодня, завтра — и лето уже проходит. Надоело. «Скука — не веселье», — говорит бабушка. Эх, чем бы заняться?

Эх, кто бы только знал, как надоело просыпаться, мыть руки, лицо и уши, а потом есть творог, или кашу с молоком, или яичницу с салом и луком, а потом выходить на крыльцо, щуриться от солнца и думать, что бы сегодня сделать такого...

Поиграть с цыплятами? Да ну их! Весной наигрался. Какие они уж теперь цыплята — курицы. Кудахчут да мусор целый день разгребают, да зарываются зачем-то в пыль возле сарая.

Погоняться за петухом? Да ну его! Весной нагонялся. А теперь он старый и ленивый. Отбежит немного, прыгнет на изгородь, качнёт своим павлиньим хвостом, тряхнёт алыми висюльками под клювом и закукарекает: не звонко — хрипло, как будто горло простудил. А потом согнёт шею вбок и смотрит сверху вниз; глаз внимательный, светится, как бусинка, смотрит гордо: мол, чья взяла? Не догонишь. Подумаешь, а я и не догонял вовсе.

А может, пойти в коровник? Да чего там. Зорька ушла и бычка увела. Да и скучный он теперь. Весной, когда был совсем ещё маленький, прыгал во дворе с утра до вечера, мычал, облизывал свой мокрый нос шершавым языком. То за цыплятами гонялся, то за овцами, а теперь... Конечно, что теперь делать. Раньше всё было интересно, всё в первый раз. Эх, скорей бы лето кончилось...

А может, пойти к дороге? Посмотреть на машины. Вылетают они из-за поворота, и несутся, и гонят что есть силы. Конечно, тут им легко — вниз под гору и асфальт. Вот счастливики — едут куда захотят. Вот и папа куда-то уехал на своей грузовой. «Ты, — говорит, — у бабушки тут повеселись, а я на Кавказ и обратно. Скоро вернусь». Да уж, скоро. Лучше взял бы и меня. Ну её, дорогу. Смотрел, смотрел. Всё пересмотрел. Только завидки берут.

А может быть, пойти в ножичек поиграть? Нарисую круг, разделю его пополам. Твоя земля, моя земля. Тык ножичек, воткнулся, отрезал кусок. Тык — ещё отрезал. Тык — ещё. Твоя земля стала моей землёй. А зачем она мне? Так, незачем. А незачем, тогда и совсем не нужно. Пусть у тебя будет твоя земля, а у меня своя. Нет, пусть уж лучше

будет твоя земля, как моя, и моя, как твоя. Потыкаю лучше ножичек в пень, потренируюсь. Мало ли пригодится, на всякий случай. Прыгнет на тебя змея издалека, а ты в неё тык ножичком и попал.

Ну, вот ещё — на пне кот! Лапы кверху, греется. Разленился так, что с места не сдвинуть. А весной бегал — хвост трубой. Такой был котёночек, а теперь... Ну-ка брысь, чего развалился? Щуришься? И тебе скучно? Тебе-то что, ты кот, ты спать привык, а вот мне...

Тык ножичек, тык. Что-то не втыкается в пень. Тык ножичек, тык. Что-то и в землю не втыкается.

— Эй, Наташа! Хочешь, в ножички поиграем?

— Не хочу. Мы с Олей на озеро идём. Хочешь с нами?

— Не хочу. Рыба не клюёт, чего там делать. Я лучше с дедушкой на покос пойду.

— Подумаешь, нам интереснее.

Конечно, им интереснее. На покосе теперь что, одна колючая щетина торчит, ни босиком не пробежишь, ни в сандалиях. Вот если бы в копне повалиться, вот это бы да! Но тоже не очень-то. Так потом спина чешется, ну просто сил нет. А спину попробуй-ка почеши как следует. Тут можно все лопатки вывернуть.

Тык ножичек, тык. Воткнулся разок. Если бы мне потренироваться, я бы мог куда хочешь воткнуть.

А вон деда вышел на крыльцо, сел на ступеньки. Что это он делает?

— Деда, а деда, ты чего делаешь?

— Зуб стругаю.

— Какой зуб?

— Грабли тут у меня поломались.

— Ну-ка, деда, покажи мне, чего у них там?

— самого главного зуба посерединке не хватает. А без него, сам знаешь, как плохо. У тебя вон тоже ещё во рту непорядок. Только у тебя сами вырастут, а тут вставлять надо. Сейчас я острогаю эту палочку: кленовая, звонкая, не сломается.

— А как ты, деда, вставлять будешь? Палочка толстая, а дырка тонкая.

— Покумекай, дело простое. Из толстого сделать тонкое — ничто.

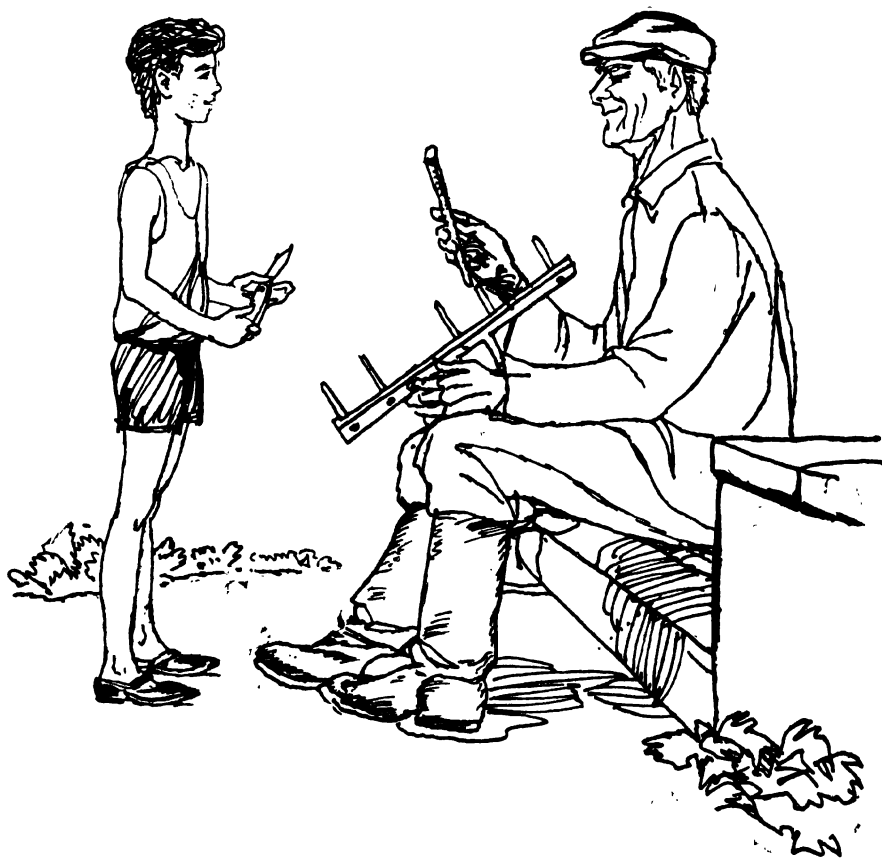
— Ты, деда, ножичком, да?

— Ну да, а чем ещё? Раз-раз, смотри, как стружка летит.

Ловкие у деда руки, большие, жилистые, кажется даже скрюченные, а ловкие.

— Деда, можно я?

— А чего ж нельзя? На что я тебе ножичек дарил? Самое время теперь его на деле испытать. На-ка вот, постругай.

Раз-раз, стружка не летит. Ножичек почему-то соскальзывает. Надо посильнее нажать. Раз-раз, полетела стружка. Большая!

— Ты, Ванюшка, не очень-то. Перестараяешься. Зуб у тебя получится тоньше дырки.

— Не получится, я знаю, как надо.

Раз-раз. Вон как стружка летит. Получше, чем у деда. Я таких зубьев могу сколько хочешь наделать. Раз-раз, вот и всё.

— Деда, вставляй. У меня всё готово.

— Ты уже? Быстро ты. Что ж, сам сделал, сам и вставляй. Эх, провалился. Болтается у тебя комелёк. Поспешил ты, парень. Если бы тебе вот такой шаткий зуб: ни хлеба, ни колбасы, ни картошки не укусить. Делай зуб, как себе. Точь-в-точь по дырке, понял?

— Понял, деда. Я его теперь знаешь как выстругаю! Медленно, аккуратно.

— Во-во, давай старайся.

Раз-раз, раз-раз. Надо давить на ножичек не сильно и не слабо. И чтобы срезалась стружка наискосок. Раз-раз, ещё разок и ещё. А теперь уже хватит.

— Дедушка, вставь, теперь точно.

— Чего я-то. Вставь сам. Вот тебе молоток. Знай работай.

— Это мы сейчас, это мы быстро.

— Ну-ну, не хвастай. Ты сначала сделай. Постукивай полегче. Зуб не расколи.

Тук-тук молоток, тук-тук.
 — Всё, деда. И не шатается.
 — Ну-ка покажи.
 Надо же, как дедушка смотрит на работу. Придирается, ногтём что-то выколупывает.
 — Забито на совесть, внучек. Как свой. Спасибо, самые любимые мои грабли вылечил.
 — Дедушка, а хочешь я тебе все грабли вылечу?
 — Да их всех-то у меня только трое. Те ещё пока терпят.
 — А можно я, дедушка, калитку в саду поправлю, она скрипит и не закрывается.
 — Смазать хочешь?
 — Ну да.
 — Что ж, возьми вон маслёнку в инструментах. Пойди смажь. Только аккуратнo, чтобы точно в петли попало.
 — Да уж знаю, дедушка, чего там.
 — Знаешь-то знаешь, а сам льёшь вона куда. По столбу течёт, а в петли не попадает. Ты не спеши. Носиком маслёнки вон сюда потычь. Вот так. Теперь хорошо. Ну-ка откроем да закроем. Теперь как по маслу.
 — А можно я, дедушка, табуретку исправлю? Ту, на которой ты любишь сидеть.
 — Табуретка древняя, мне ровесница. Только с ней тебе не справиться. Клей нужен.
 — Эх, дедушка, а я бы так тебе её хорошо сделал.
 — Вижу, Ванюшка, ты разохотился, зуб тебя раззадорил. Соберайся-ка, на покос пойдём, копёшку сложим. Пойдёшь?
 — А ты мне дашь грабли с моим зубом?
 — Ну как же. Другие грабли тебя могут и не послушаться.
 — А когда мы на покос?
 — Чего ж откладывать. Самое время. Жарко, сухо. Бери грабли да пойдём.

Дорога знакомая. Идти просекой по тропе. По сторонам берёзы, кустарник, осины. Уж сколько раз тут хожено-перехожено. Идёшь, отмахиваешься от комаров да от слепней. Деду что, он в рубаше, в брюках, в сапогах, а ты в трусах да в маечке. А сегодня что-то и не кусают меня комары. Пропали куда или идём быстро? Конечно, когда спешишь на работу, всё по-другому. И деревья какие-то другие — весёлые, что ли? А вон и куча муравьиная не такая, как всегда, — должно быть, подросла немного. Муравьи стараются изо всех сил. Вон как бегут на работу. А вон мохнатый тяжёлый шмель перелетает с цветка на

цветок. Тоже работает. А вон бабочка летает. Вправо, влево, поворот. Не торопится. У неё тоже какое-нибудь своё дело. У всех есть дело, даже у деревьев. Стоят себе и растут. Одни слепни — бездельники. Носятся и жалят кого попало.

Дед идёт широко, размашисто. Грабли на плече. За дедом только поспевай. А что, работать так работать! Вот как приду, как начну сгребать. Деду и не угнаться. А что, зуб-то у меня новый, вон как поблёскивает.

— Ну вот и пришли, внучек. Видишь, сено рядами лежит, отсюда до самой дороги. Ты будешь с этой стороны сгребать, а я с той, вот у нас дело и пойдёт. Копёшку поставим посередине. А сгребать вот как надо.

— Иди, иди, дедушка. Я знаю. Я умею, я видел. Не улыбайся, я смогу.

— Сможешь, так хорошо. Ты сначала один ряд подгреби вон до той кочки, потом другой. Не спеши. Ничего не оставляй. Для Зорьки зимой каждая сенинка дорога.

— Понимаю, дедушка. Мы ведь и зуб новый сделали, чтобы чисто сгребать. Ты иди, иди, я начну работать.

Ну-ка, грабельки, начали. Раз, раз, раз! Сено шуршит. Раз, раз. Теперь ногой подтолкну, как дедушка всегда делает. А теперь вот эту травинку подгребём, чтобы чисто-пречисто было. Придёт зима, знаешь как, Зорька, тебе вкусно будет? Я твоё молоко пью, а ты моё сено будешь есть. Раз, раз, грабельки. Вон как мой зуб работает. Уже целый вал нагребли. А как там дедушка? У-у, да он как-то по-другому сгребает, у него и незаметно. У меня вон уже почти целая копна.

— Дедушка, дедушка! Я уже вон сколько нагрёб. Давай копну складывать. А то мне больше никак не гребётся.

— Сейчас посмотрим. Конечно, тебе никак. Со всех сторон сено в кучу стащил. А надо валиком гнать, валиком, как у меня. Тогда и работать легче, и поле чище, и не запутаешься, где грёб, а где нет.

— А зато сразу как много.

— Много-то много, да бестолково получается. Сгребать — дело кажется нехитрое, а сноровка нужна, как во всём. Что зуб сделать, что калитку смазать, что ещё другое.

— Давай, дедушка, я теперь с твоей стороны начну, а ты с моей.

— Это почему? Думаешь, у меня проще? Или просто так, как у вас, футболистов, называется, воротами захотел поменяться для новой удачи? Что ж, давай поменяемся. Ты так и продолжай, как я начал.

Дедушка подгрёб чисто, аккуратно. И вал у него катится ровный. Попробую теперь и я так. Раз, раз, грабельки, раз, раз. Руки немножко устали. Ничего, потерплю. Жарко, пить охота. Тоже потерпеть придётся. Лишь бы зуб мой из граблей не выпал. Ничего, крепко, даже не шатается. Раз, раз, грабельки, раз, раз. Когда стараешься, быстро дело идёт, весело. Вон уже и солнце спускается к лесу. Тоже работало весь день. Как это я раньше не догадался работать с дедушкой?

— Эй, внучек, теперь уж можно и копну начинать.

— Дедушка! Чур, я первый.

— Первый так первый. Начинай вот здесь, около кочки.

— Ты, дедушка, посиди отдохни. Я сам. Мне бы только вилы.

— Зачем вилы? Ты рукой и граблями, вот так, в охапку.

— Посиди отдохни, я сам, дедушка.

— Некогда нам отдыхать. Уже вон солнце на деревья садится. Скоро роса, сено обволгнет, запах пропадёт. Давай вместе. Может, тебе, внучек, мои грабли будут полегче?

— Нет, не полегче, мои как пушинка. Я ими вот как подхватываю охапку — сразу полкопны.

— Ну, и я тогда полкопны.

— А потом опять я. Вот так.

— А теперь опять я. Вот эдак.

— А теперь опять я.

— Не сюда ты, внучек. В одно место сено складывать — копны не получится. Горушка, и только. Развалится она у нас, и ветер её развеет. Нужно сено сначала раскладывать по сторонам, а потом в серединку. Так вот и так. Видишь, какие мы с тобой, уже больше полдела сделали.

— Эх, и хорошо, дедушка, на покосе.

— Ещё бы, душистое это дело. У всякой травинки, у всякого цветка свой запах. Хорошо тут среди них, пока они живут и цветут. Срежешь — вроде бы умерли, а они ещё лучше, ещё душистее.

— А им не больно, дедушка?

— Кто их знает. Может, и больно. Только им перед зимой всё равно погибать. Попадут под снег и замёрзнут. А тут, видишь, польза. Корове еда, а нам молоко. Всё когда-нибудь умирает, лишь бы успеть до смерти пользу принести.

— Дедушка, мне уже не достать доверху. Вон какая копна выросла.

— Да уж вижу. Давай-ка теперь я завершу. Нужно, чтобы верхушка была покатою, вроде крыши. Дождь пройдёт и скатится, и сено не попортит. Вот эту охапку положим сюда, а вот эту сюда, да и прихлопнем чуть-чуть. Вот и конец — делу венец. Поздравляю с первой твоей копной, Ванюшка. Ты, я смотрю, у меня мужичок дельный. Ну, а теперь и к дому пора. Есть хочешь?

— Очень.

— Пить хочешь?

— Очень.

— Отдохнуть хочешь?

— Да не очень. Я бы ещё что-нибудь поделал.

— Ладно, побереги силы на обратную дорогу. Пошли?

— Пошли.

Дорога опять по вырубке. Всё те же деревья: берёзы, осины, мелкий кустарник. Притихло всё к вечеру, отдыхает в румяном вечернем воздухе. Вернулись домой муравьи, тоже на покой. Улетели куда-то к себе шмели, пчёлы и бабочки. Птицы поют на отдыхе перед сном. Только комары никак не успокоятся. Звенят, клубятся над тропой. Дедушка говорит, что когда комары роятся, значит, будет хорошая погода. А мне что. Пусть хоть и дождь. Сяду на крыльцо под навесом, возьму ножичек, подстругаю зуб на граблях. Он за сегодняшний день устал, притупился. А потом ещё что-нибудь поделаю. С работой не скучно.

А вон уже и дом на пригорке, и покосившийся забор перед садом, и чистые стеклянные банки вверх дном на колышках, и сарай вон с высокой крышей, и притихшие качели между двумя берёзами, и бабушка во дворе белое ведро моет. Скоро Зорька придёт домой, принесёт молока. Эх, выпить бы сейчас парного, с белой пеной, целую кружку! А вон и петух на заборе кукарекает. А вон Наташа с Олей к дому идут. Сразу видно, скучно им было.

— Эй, Наташа, где были?

— На озере.

— А ты, Оля?

— С Наташей.

— А я сено сгребал.

— Подумаешь, я тоже вчера сгребала.

— А я своими граблями. Сам зуб к ним делал, хочешь, покажу? На, потрогай. Он тут самый главный, если бы не он, знаешь, сколько бы сена осталось на поле!

— Это почему?

— Как почему? Он посередине. Он-то всё сгребал.

— Подумаешь, зуб. У моего дедушки тоже грабли есть. Я тоже сгребала. Я даже доить могу.

— Ты, Наташка, всегда хвалишься. А вот калитку тебе всё равно не починить. Это дело мужское.

— Подумаешь, мужское! Я вот, если захочу, лётчицей стану, как Терешкова.

— А я на самолёте всё равно тебя обгоню. Я сильнее. Мужчины всегда сильнее, им любая работа нипочём.

— Эх ты — сильнее! Давай поборемся, кто кого. А хочешь, побегим к дороге?

— Эй, Наташка, вон уже и коровы идут. Айда встречать.

Пыль над просёлочной дорогой. Стадо маленькое, а пылит, как большое. А вон и Зорька с белой звёздочкой на лбу. Идёт, покачивается. Рядом бычок семенит. А ну пошли, пошли домой! Наелись, отяже-

лели. Зимой вам тоже будет хорошо, сена у вас теперь много. Пошли, пошли домой.

— Бабушка, встречай!

— Ах ты, хозяин ты мой. Нароботался, мужичок. Я уж вам с дедом всё приготовила. Самовар на столе, молоко, яйца всмятку, хлеб, творог, конфеты.

— Я, бабушка, грабли пока поставлю на место.

— Ладно, поставь да с дедом пока посиди вон на крыльце. Корову я подою, и поужинаем.

Дед сидит на крыльце, трубочкой попыхивает. Смотрит куда-то далеко-далеко, туда, где солнце прячется за лесом. Большое, яркое — полнеба от него зарумянилось. Хорошо от этого света. Тихо, красиво, радостно.

— Дедушка, а хорошо мы с тобой поработали.

— Ещё как хорошо-то.

— А я и не устал, и ни капельки мне теперь не скучно.

— Это ещё что, только начало. Вот завтра у нас будет с тобой дедёк. Ты смотри, как всё радуется.

Лев КУКЛИН

КАК РОДИЛСЯ РОДНИЧОК

Видишь — белый язычок
На бугре?
Там родился родничок
На горе.
Тает, тает ледничок —
Не беда.
Там родился родничок
Изо льда.
Обогнул травы пучок —
И повис...
Только смелый родничок
Прыгнул вниз!
Если встретишь родничок

На пути —
Осторожно черпачок
Опусти.
Осторожно черпачок
Опусти,
Этот чистый родничок
Не мути.
По камням он чок да
чок —
Дребезжит.
Так до речки родничок
Добежит!

Перед тем как мне дали слово, я дрожала от возбуждения, теряла нить своих рассуждений, пугалась в тезисах. Ведь мне не дали даже клочка бумаги, чтобы набросать план выступления. Но когда я встала и оказалась лицом к лицу с залом, переполненным народом — моим народом, — я успокоилась.

— Прежде всего я должна довести до сведения всех, что я протестую против подсудности моего дела этому суду (жестом я указала на моих обвинителей). Всё, что я сейчас скажу, я обращаю не к суду, а к вам, мои соотечественники!

Вы судите меня, господа обвинители, по закону, который может лишитъ поляка свободы и даже

жизни не за «помощь врагам существующего строя», как сказано в формулировке обвинения, а за помощь своему собственному народу. Этот закон лишает свободы и жизни человека, высказывающего то, что говорит ему его совесть.

Император Николай никогда не был законным царём нашего народа, как и Александр I, узурпировавший власть в нашем государстве. Александр I захватил её силой и силой установил свои законы, кстати, и тот, по которому меня сегодня судят.

При всём уважении, которое я питаю к этому суду, он для меня, польской гражданки, не есть суд, который может судить меня в вопросе жизни и смерти, ибо для каждого человека ясно, что я имею непререкаемое право подле-

Продолжение. Начало в „Искорке“ № 6.

жать Польскому государственному суду.

Но для господина прокурора существует только Россия и не существует Польши. Свободу Польши и поляков судит здесь сегодня российской самодержавие. Для меня же, польской гражданки, существует страна Польша, её народ и её закон.

Я не отказываюсь от суда. Но пусть это будет суд моих земляков. Я могу принять приговор только из их рук. Если они признают меня виновной, — значит, я виновна. Мне кажется, не я боюсь их приговора, а боится его русское самодержавие.

Поляки пережили крушение многих своих надежд, и всё же они продолжают надеяться, что когда-нибудь они будут независимы от Российской империи, будут свободным народом в свободном мире. И новое Польское государство будет построено на самых демократических основах, на полном уважении труда и личности.

Продажная верхушка нашего шляхетства избрала путь примиренчества, путь, который ведёт к богатству немногих, а массу простого народа отдаёт во власть эксплуататоров, как польских, так и русских. Над нами, как два меча, висит двойное иго.

Вот почему я вместе с достойной частью нашего народа и народа России пошла по дороге, которая в случае неудачи, как я знала, должна была привести меня сюда, на скамью подсудимых.

Но я горжусь тем, что нахожусь здесь и держу ответ на обвинение, а не сижу в рядах моих почтенных обвинителей.

Свобода — это право любого народа, принадлежащее ему со дня рождения. Только преступник лишён этого права. И с Польшей, которая не причинила зла ни одной стране, не покушалась ни на чьи владения, обращаются так, как если бы она была приговорённым преступником.

Так если борьба за свободу на-

рода считается изменой, то я горжусь тем, что изменила своему народу, и готова заплатить за мою измену самой высокой ценой...

На этом месте председатель прервал заседание. Полиция начала освобождать от народа зал.

Русская юстиция не простила бы никому такой защитительной речи. Вот почему меня приговорили к пожизненному поселению.

Зофья, если сердце твоё ещё не разучилось отличать правду от сказки, ты поняла, почему я прижкнула к людям, называющим себя революционерами.

Я верю — даже та малость, которую я успела сделать, не пройдёт зря, ибо ничто в этом мире не проходит впустую...»

Второе письмо она отправила в Кельце через год.

«...Я не получила от тебя ответ, сестра. Не знаю, чем это вызвано — разделяющими нас необъятными просторами, в которых затерялось твоё письмо, или разделяющими нас понятиями о жизни и справедливости. И тем не менее я снова пишу. Я не могу молчать. Я должна поверить свои мысли если не близкому человеку, то хотя бы листу бумаги.

...Итак, я — на Чукотке, в посёлке, названном именем Святого Лаврентия. Два десятка домиков на голой скалистой земле, на берегу Берингова пролива, вернее — небольшой бухты, врезанной в берег. Ни дерева, ни куста окрест. Тёмные, вылизанные морем камни, сопки-гольцы, с вершин которых даже летом не сходит снег, низкое сумрачное небо. Иногда выдаются ясные дни, и тогда море из тёмно-свиногового делается зелёным, но не ласковым, а наоборот, оно как бы становится глубже и холоднее. А камни из чёрных превращаются в серые.

Лето коротко — всего только два месяца зеленеют мхи в тундре и из тощей земли выбиваются стрелки полярных цулий. Я не знаю, как они называются по-научному,

но они — единственные цветы здесь и они чудо как хороши!

На берегах ручьёв, в местах, защищённых от ветра, растёт черемша. Листья её очень похожи на ландышевые, только поуже, и если растереть их пальцами, пахнут чесноком. Черемшу собирают и сушат на зиму. Она очень хорошо помогает от страшной и распространённой здесь болезни — цинги.

Поселенцев, кроме меня, в посёлке пять человек. Все — политические. Русские. Я познакомилась с ними в первые же дни после приезда и рада, что даже здесь нашла друзей, близких мне по духу.

Местные относятся к нам с большим сочувствием. Нет, они не жалеют нас, они считают, что нам просто не повезло и, самое главное, что мы в посёлке — гости, что не останемся здесь навечно. Это вселяет в нас веру в будущее.

Да, сестра, я не думаю, что проживу здесь остаток того, что отпущено мне природой. Но если так случится, то постараюсь быть нужной этим людям.

А люди здесь замечательные. В основном — это охотники за морским зверем и рыболовы. Суровые, как их земля, малоразговорчивые, сильные. Все они монгольского происхождения, живут в постоянном тяжёлом труде и привыкли довольствоваться тем малым, что могут им дать эти безрадостные берега. С риском для жизни выходят они каждый день в море на утлых лодочках, обшитых шкурой нерпы, вооружённые только острогами и копьями. Мужеству их может позавидовать любой мужчина-европеец, но здесь оно незаметно, потому что постоянно. Каждый день у них — это бой за жизнь.

Но из всех бед, ожидающих рыбака и зверобоя в открытом море, самая страшная — шелкап. Я увидела, что это такое, через три недели после приезда. Более жуткого впечатления у меня в жизни не было.

Шелкапом зовут здесь северный ветер. Он рождается в угрюмых

горных распадках в глубине материка и ураганом обрушивается на побережье. В это время ночь наступает на два часа раньше срока. Всё живое старается спрятаться, уползти, затаиться. Даже птицы исчезают неведомо куда. Температура стремительно падает до минус двадцати — двадцати пяти. И начинается ад.

До самого горизонта море, до этого затянутое белой пеленой льда, в считанные минуты превращается в серое ледяное крошево. Тяжёлые волны с каждой минутой становятся всё выше, воздух всё темнее, и вот уже ничего не слышно кругом, кроме безумного воя, скрежета ломающегося берегового припая, ударов, похожих на пушечные выстрелы, и воплей раскальвающих камней. Небо смешивается со снежной кашей, кипящей внизу, и только бледно-жёлтая полоса тревожного, призрачного света слабо мерцает, обводя горизонт...

Десять, пятнадцать, двадцать часов продолжается этот шабаш, которому ужаснулся бы сам Данте. Скалы на берегу покрываются толстой ледяной корой. Под тяжестью быстро намерзающего льда рушатся постройки и, кажется, проваливается сама земля. И вдруг всё кончается. Утихают бешеные скачки волн. Светлеет небо. Открываются белые, оледеневшие дали. Низкое солнце озаряет всё бледным болезненным светом. Лишь ветер продолжает дуть режущими порывами ещё несколько дней. Говорят, что даже такой большой посёлок на побережье, как Охотск, шелкап разрушал начисто трижды.

Вот в таких условиях живут аборигены Лаврентия.

И как здешняя моя жизнь не похожа на мою прошлую, на ту, которой живёте вы сейчас!

У вас на первом месте — мысль. Здесь — дело.

О человеке здесь судят не по тому, как он думает, а по тому, что он умеет.

У вас можно убедить словом, здесь — только действием. На человека, который много говорит, местные смотрят как на юридого.

Я уже около года в посёлке Лаврентия. Но какая страшная ломка произошла во мне за эти несколько месяцев, какая переоценка всех ценностей! На бумаге не передать, что сделалось после ареста со мной, с моим умом, сердцем, мыслями и верованиями.

И знаешь, сейчас мне кажется, что гюрэма, Владимирка и Сибирский тракт сделали из меня совершенно другого человека. Если раньше я была в большой степени увлечена романтической стороной нашего движения, то теперь я улыбаюсь, вспоминая об этом. Как наивны были многие из нас тогда, с какой лёгкостью играли словами «демократия», «свобода», «равенство», «труд»... Мы теряли время в пустых спорах и ненужных теоретизированиях, и ни один из нас не понимал истинного положения вещей в мире. Да и мир-то мы знали только по книжкам. Никто из нас не видел жизни простого народа, зато претендентов на то, чтобы возглавить его движение к какой-то мифической свободе, было хоть отбавляй...

Какая гордая, глупая и жалкая самонадеянность!

Иногда мне кажется, что природа совершила ошибку: мне нужно было родиться не женщиной, а мужчиной. Тогда у меня было бы больше сил для борьбы, я полнее бы познала сладость бешенства и опьяняющую злобу при схватке с врагом.

Я всей душой полюбила чукчей. Это маленький народ, но такой отважный, суровый, сильный!

И мне горько смотреть на то, что сделала так называемая «цивилизация» с этим краем!

До прихода русских купцов на Чукотку здесь царили простые и мудрые нравы. Например, здесь ни один человек не имел права владеть большим, чем ему нужно

для жизни. Они не знали, что такое «твое» и «мое». У них всё делилось поровну между членами племени. Если бы в те времена кто-нибудь вздумал повесить на дверь замок, его сочли бы за безумного. Такой способ охраны своего добра казался позорным, противным самому человеческому существу.

Но вот пришли «цивилизованные» купцы. Они принесли с собой заразные болезни вроде туберкулёза и трахомы. Затем познакомили туземцев с водкой. И, наконец, растлили их душу, научив повадкам белого человека.

У купцов были нравы людей, привыкших к жестокости и бесчеловечности в обращении друг с другом и с окружающими.

Под натиском этой «культуры» чукчи начали быстро вымирать. Всеми своими небольшими силами

они сопротивлялись этому. Но что может сделать народ, насчитывающий несколько тысяч человек, против деспотического государства, протянувшегося от Европы до берегов Тихого океана!

Жизнь аборигенов становилась невыносимой...

Они и раньше были знакомы с голодом, теперь же они голодали почти круглый год. Если они пробовали протестовать или сопротивляться, их укрощали свинцом.

Оставалось одно — покориться, затаив смертельную ненависть к пришельцам с запада. Вот почему до сих пор они видят почти в каждом белом потенциального убийцу...

По мере сил мы стараемся дать им понять, что виноват здесь не русский народ, который задавлен той же самой силой, а самодержавная власть.

Кстати, в посёлке есть небольшая школа, основанная поселенцами, в которую ходят маленькие чукчи. Всего десять учеников, но это — зёрнышки будущего...

В солнечные дни, которых здесь выдётся очень мало, из нашей бухты открывается вид на необозримые дали. Волны, волны, волны кругом... Холодные, равнодушные ко всему на свете. А зимой — голубовато-белые торосы и давя-

щая, глухая тишина. Трудно думать об этих пространствах. Невыносимо представлять, как далека я от своих товарищей и друзей... Кричи, плачь, проклинай всё самое святое — тебя никто не услышит, кроме океана и неба. Им нет дела до жизни людей. Можно сойти с ума от тоски и отчаянья. Я избегаю думать об этом, хотя первое время поддавалась тоске. Но теперь утешаюсь своими маленькими учениками, которые очень сообразительны и схватывают буквально всё на лету. Ты удивилась бы, увидев, с каким старанием они выписывают буквы русского алфавита на обрывках старых газет и листах, вынутых из книг!..

От одного старика зверобоя я услышала, что на северо-восток от нас, почти посредине Берингова пролива, лежат острова Диомиды, больший из которых находится совсем недалеко от Аляски...»

Станислава не написала Зофье, что местные жители часто переправляются по установившемуся льду на собачьих упряжках через пролив и закупают продукты и боеприпасы в американских факториях. Не написала и то, что Аляску и Чукотское побережье разделяют здесь всего сто двадцать пять вёрст...

И н д а

Минут двадцать Ян и Станислав молча лежали на земле, больше похожие на трупы, чем на живых людей.

Индеец сложил руки на груди и закрыл глаза, отдав всего себя отдыху. Он дышал медленно и глубоко, будто смакуя прохладный осенний воздух. Он прислушивался к тому, как усталость понемногу уходила из тела, и когда почувствовал, что она ушла совсем и кровь перестала шуметь в ушах, рывком поднялся на ноги.

— Надо идти, Ян. Нельзя долго оставаться на одном месте.

— Сейчас... — отозвался поляк.

Он полежал еще несколько минут, потом тяжело поднялся.

— Пся крев... я мог бы сейчас спать целые сутки...

— Потом, — сказал Станислав.

— Правильно... выспимся, когда подохнем.

Они продрались через заросли орешника в редкий подлесок и пошли на северо-восток.

...Вскоре подлесок стал густеть, деревья сдвинулись теснее, под

ногами зашуршал толстый слой опавших листьев. Сыростью пахнуло из чащи. Станислав замедлил шаг и потянул воздух ноздрями.

— Близко большая вода, — сказал он.

— Наверное, Нида, — пробормотал Ян. — Здесь только одна большая река — Нида.

Неожиданно Станислав остановился и тронул за плечо Яна.

— Стой! — сказал он шёпотом. — Пуквана.

— Что?

— Дым.

— Откуда здесь дым?

— Не знаю. Это не дым костра. Это другой дым.

— Может быть, они подожгли лес?

— Нет. Это не лес.

Станислав втянул голову в плечи. Глаза его превратились в щёлочки. Ноздри широко раздувались. На какое-то мгновение он снова почувствовал себя в чаще Толанди с боевым луком в руках. И рядом не белый, не этот поляк, а брат Танко. И впереди — неведомая опасность. Может быть, тот белый сержант применил какую-то новую военную хитрость, выслеживая шауни...

Ян напряжённо смотрел на его лицо. Тревога Станислава передавалась ему.

— Что? — спросил он едва слышно.

— Горело сухое дерево, — сказал Станислав.

Он снова двинулся вперёд, скользя по опавшим листьям бесшумно, как тень. Ян старался так же тихо следовать за ним. Так прошли они шагов сто. Индеец волновался всё больше. Слегка поворачивая голову, он прислушивался к тишине леса.

Наконец и Ян почувствовал слабый запах гари.

— Будто жгли какие-то тряпки, — сказал он.

Чаща кончилась сразу, без просвета.

Вправо и влево распахнулась широкая поляна, открылось белёсое небо, и оба остановились, замерев от того, что приняли их глаза.

Посреди поляны догорал дом. Вернее, то, что осталось от дома. Груда чёрных брёвен, еще сохранявших форму пятистенного сруба, курилась жидким серым дымком. Уступчатая печная труба поднималась из тлеющих развалин. Душно пахло горелым тряпьем и ещё чем-то сладковатым, тошнотным.

Поодаль, правее, чернела в земле прямоугольная яма, из которой лениво поднимались клубы белого пара. Вероятно, там раньше стоял сарай или какая-то другая хозяйственная постройка, под которой был подпол.

И тишина кругом.

Ян тяжело переступил с ноги на ногу.

— Они были здесь, — сказал он. — Это дом лесника.

— Что они здесь искали?

— Не знаю. Может быть, нас. Может быть, партизан.

— Так, — сказал Станислав.

Ян шагнул вперёд. Станислав схватил его за руку:

— Куда?

— Посмотрю. Может быть, найдётся какая-нибудь жратва.

Ян огляделся и осторожно вышел на открытое место. Остановился. Стена леса на другой стороне поляны молчала. Только с лёгким звоном осыпались вдруг уголья с догорающего бревна. Даже птиц не было слышно.

Станислав подался вперёд, сжавшись, как для прыжка, наблюдая за каждым движением Яна. Поляк подошёл к чёрному срубу и за-

глянул внутрь через дыру оконного проёма. Целую минуту он смотрел туда, стоя неподвижно, как загнипнотизированный. Наконец повернул голову, скользнул глазами по кустам, за которыми скрывался Станислав, и, обогнув сруб, исчез из виду... Через мгновение он снова появился, теперь уже с другой стороны, и махнул рукой, подзывая индейца.

Проходя мимо остатков стены, Станислав тоже заглянул внутрь.

Там, в бывшей комнате, стояла почерневшая железная кровать, на сетке которой лежала спёкшаяся смолистая масса, очертаниями отдалённо напоминавшая человеческую фигуру, скорчившуюся в смертной судороге. От сладковатого смрада кружилась голова. Угли, подёрнутые белым пеплом, ещё польхали жаром.

— Это, наверное, лесник, — сказал подошедший сзади Ян. — Они привязали его к кровати и сожгли вместе с домом.

Они спокойно смотрели на сгоревшего. Привыкшие видеть ежедневные смерти в лагере, они очерствели, стали почти равнодушными ко всему, кроме свободы.

За срубом, около колодца, не тронутого огнём, лежал труп лошади. Бок у неё был вырван как бы ударом огромной когтистой лапы. Вся трава вокруг побурела от запёкшейся крови.

— Из автомата в упор, — сказал Ян. — Сучьи дети. Паршивая саранча.

— Нож, — сказал Станислав. — У нас нет ножа.

— Тьфу, чёрт! — выругался Ян. — О ноже-то я и не подумал.

Станислав ещё раз обошёл сруб, потом колодец.

Ничего подходящего не было. В жухлой траве тускло отсвечивали автоматные гильзы. Лежало помятое железное ведро. Рядом с колодезным срубом — сломанный бочонок.

Станислав пнул ногой рассыпавшуюся клёпку бочонка. Потом взял в руки обруч.

— Железо, — сказал он.

Переломил обруч пополам, затем ещё раз пополам, и ещё.

— Мягкое, но резать будет.

Здесь же, недалеко от колодца, нашли половину расколотого наждачного круга.

Через несколько минут в руках у них оказались два приличных лезвия, и они принялись за убитую лошадь.

Станислав быстро и ловко завернул шкуру на лошадином бедре и начал вырезать небольшие куски мяса, складывая их возле себя на траву. Ян помогал ему.

Вскоре ляжка была обработана до кости. Ян разжёл на опушке, подальше от развалин, костёр, и Станислав, нанизав кусочки конины на прутики, стал поджаривать их на огне.

Только теперь он почувствовал голод. Долгими тягучими спазмами тянуло желудок. Противно звенело в голове. Рот наполнялся слюной. Раньше он не замечал этого. Мысли отвлекались другим. Но сейчас, когда ноздри защекотал запах еды, он едва сдерживал нетерпение.

Они начали есть, когда мясо слегка подрумянилось сверху. Внутри оно было ещё сырым и очень жёстким. Они глотали куски, почти не разжёвывая. Красноватый сок тёк по их подбородкам. Крупные волокна пружинили под зубами, как резина.

— Добже! — сказал Ян. — Чувствуешь себя человеком.

— Не надо есть много, иначе день будет ленивым. Есть надо так, чтобы желудок не стал тяжёлым.

— К чёрту! — сказал Ян. — Жрать, так жрать до упора. Я привык так.

Станислав пожал плечами, но больше ничего не сказал.

Насытившись, они достали воды из колодца, напились, ополоснули руки и лица.

Станислав оторвал от рубашки подол и завязал в него жареную конину.

— Слушай, — сказал Ян. — Давай переночуем здесь.

— Нет. Сюда могут прийти швабы.

— Они не придут.

— Надо уходить, — сказал Станислав. — Здесь смерть.

— Как хочешь, но я бы остался.

— Я тоже хотел остаться здесь, — произнёс Станислав. — Но понял, что мысли мои заблудились, почувствовав еду. Нам надо найти твоих.

— Партизан?

— Да, партизан.

— Жаль, что нельзя захватить с собой огонь, — вздохнул Ян.

— Огонь всегда можно добыть, если есть сухое дерево. Теперь у нас есть ножи.

После еды шаг стал легче.

Примерно через час они вышли к реке.

— Нида, — сказал Ян, всматриваясь из кустов в противоположный берег. — Хорошо бы перебраться туда...

Станислав прикинул расстояние.

До деревьев, спускавшихся к воде на той стороне, свободно могла долететь стрела охотничьего лука. Шагов триста. Судя по медленному течению, здесь было довольно глубоко.

На одно мгновение перед глазами Станислава вспыхнула совершенно иная картина: небо, отразившееся в невесомой прозрачности озера Большой Медведь, будто сошедшее на землю, скалистые берега, изрезанные фиордами, красные колонны сосен, лось, вскинувший тяжёлую корону своих рогов. С морды лось падали хрустальные капли, ноздри его раздувались, глаза тревожно блестели...

И тут совсем рядом с треском разорвался воздух, остервенело залаяли собаки, и всё это покрыл звонкий удар, от которого дёрнулась земля.

— Ложись! — крикнул Ян диким голосом. — Это они!

Станислав метнулся назад, в подлесок, упал на землю и замер, затаился, сдержав дыхание. Ян упал рядом, зарывшись лицом в траву и охватив голову руками, словно закрывая её от удара.

Автоматная очередь остригла верхушки кустов. Откуда-то справа гулко дудукнул пулемёт. Пули с фырканием просекали листву деревьев, с противным чмоканьем ударяли в стволы. Казалось, выстрелы гремели со всех сторон разом. Огонь был частым и суетливым.

«Зачем столько для двоих? — подумал Станислав, теснее вжимаясь в землю. — У нас ведь нет ничего...»

Пронеслась мысль о бесполезности жизни. Что он успел сделать? Два Больших Солнца назад его посвятили в воины. Потом Европа. Знакомство с языком. Работа на почте сортировщиком. И война, ненужная ему, непонятная...

Сколько молодых воинов шауни погибло вот так, как погибнет сегодня он, не успев убить ни одного своего настоящего врага...

Станислав стиснул зубы так, что зашипело в ушах.

Нет! Он не умрёт! Он не может умереть. Ведь он ещё не выполнил заветов отца — защитить мать, отомстить тем, кто принёс ей страдание, снова стать свободным человеком и возвратиться на землю своих предков...

Затрещали кусты, и почти прямо на Станислава и Яна выбежал шваб с автоматом в руках. Он приостановился, прижал автомат к бедру и дал очередь в кусты позади себя, потом снова повернулся и побежал, не заметив лежащих в подлеске людей.

И тогда Станислав понял, что выстрелы направлены не в них, что швабы дерутся с кем-то другим и тех других больше, и они прижимают швабов к берегу Ниды.

Заглушив выстрелы, пронзительно взвизгнула собака. Предсмертный вопль пронёсся над рекой и вдруг оборвался, словно обрезанный. Ещё несколько раз коротко ударил пулемёт, и всё смолкло.

— Томаш, добей вон того за деревом! — крикнули из-за кустов.

— Не нужно, командир. Он уже кончается сам.

— Ребята, соберите всё оружие и чтобы не осталось ни одного патрона!

— Сделаем, командир!

Ян поднялся на колени и повернул бледное лицо к Станиславу:

— Стась, это свои! Наши!

Л ё н ь к а

Они стояли посреди низкой землянки, тускло освещённой фонарём «летучая мышь». Керосин был плохой, с какими-то примесями, и фонарь время от времени начинал коптить. Тогда командир вполголоса произносил непонятное короткое слово и привёртывал фитиль. В землянке, и без того мрачной, становилось ещё темнее.

У стен, кое-как обшитых досками, сидели бойцы отряда. Они сидели на патронных ящиках, на опрокинутых вёдрах и деревянных чурбаках. Огненные точки сигарок вспыхивали в полутьме. От резкого мажорочного дыма першило в горле.

Из всех бойцов один только командир был похож на военного, вероятно из-за того, что на плечи его была накинута почти новая армейская шинель, под которой лоснился узкий ремень португали, а ноги обуты в добротные яловые сапоги.

Командир сидел за столом, сооружённым из ящиков и досок, и задавал короткие, быстрые вопросы, похожие на слова команды. Он говорил с сильным акцентом, и иногда было трудно понять, что он спрашивает. Трудно было определить его национальность, но с первого взгляда было ясно, что он не поляк.

Отвечал на вопросы Ян. Станислав стоял молча. Лицо его было отрешённым, как будто всё, что делалось в землянке, не касалось его и не интересовало. Да и не настолько хорошо он знал язык, чтобы отвечать быстро и точно.

— Как вы попали в лес?

— За згода пана... Мы бежали из того эшелона, который шёл в Освенцим.

— Когда?

— Вчера днём.

— Точнее. В какое время?

— Часа в три.

— В каком месте?

Ян провёл ладонью по лбу.

— Я плохо знаю эти места, пан. То было за путевым постом. Километров десять — пятнадцать...

— Как вам удалось выбраться из вагона?

— То был товарный вагон, пан. Теплушка. Мы вынули несколько досок из пола.

Командир достал из кармана чёрный матерчатый кисет и газету, сложенную книжечкой. Оторвал листок. Одним движением пальцев скрутил сигарку.

— Сколько человек бежало из эшелона?

— Было ещё двое, которые прыгали за нами следом. Их застрелили швабы. Может, ещё были... Больше не знаю.

— Так, — сказал командир. — Мы видели эти трупы. Теперь понятно.

Он поднял стекло фонаря и прикурил от коптящего язычка пламени.

— Как вас зовут?

— Ян Коссовский. А он — Станислав Ступинский.

— Вы ночевали в лесу?

— Да.

Командир затаился и стряхнул пепел на пол.

— Странно, почему они вас не задержали? У них было шесть собак.

— Это он выдумал. — Ян показал на Станислава. — Мы натёрли ботинки какой-то травой. Собаки не взяли след.

Командир перевёл взгляд на Станислава.

— Кто ты?

— Шауни.

— Не понял.

— Он индеец. Из Канады. Шауни — это их племя, — вмешался Ян.

— Подожди, — поморщился командир. — Спрашивают не тебя. Откуда ты? — обратился он к Станиславу.

— Из Кельце, — сказал Станислав.

- Ты там работал?
 - Да, на почте.
 - Почтальоном?
 - Нет. Я разбирал письма по адресам.
 - Значит, сортировщик?
 - Да.
 - Как ты попал в эшелон?
 - Из лагеря. Меня арестовали осенью прошлого года.
- Командир кивком показал на Коссовского:
- Что он плетёт об индейцах?
 - Он говорит правильно. Я шауни из рода Сова.
- Люди, сидящие в землянке, зашевелились, загудели.
- Тише! — воскликнул командир. — Давай всё по порядку,

Ступинский.

- Пан командир, — сказал Ян, переступая с ноги на ногу. — Мы не ели два дня. Если у вас найдётся что-нибудь...
- Вас накормят. Но прежде ещё несколько вопросов. Ступинский, если правда, что ты индеец, то как ты попал в Польшу?
- Я приехал сюда со своей матерью.
- Откуда?
- Из Канады.
- Из Америки?
- Да.

Командир оглядел его с ног до головы так, будто только что увидел.

- Почему у тебя польское имя?
- Это не мое имя. Так нужно было для документов. Когда нам писали бумаги на выезд из Монреаля, мать назвала меня так, как зовут её — Станислав Ступинский. Её зовут Станислава.
- Твоё настоящее имя?
- Сат-Ок.
- Что это значит?
- По-вашему — Длинное Перо.
- Так, значит, ты метис. Мать — полька, отец — индеец. Да?
- Нет, я — шауни.

Командир покачал головой:

- Ладно, идите отдыхать.

ГРУППА сопротивления, уничтожившая отряд карателей, насчитывала всего тридцать человек.

Командовал группой бывший подпоручик второго пехотного батальона седьмой дивизии Войска Польского Владислав Загура. Дивизия была разгромлена немцами ещё во время боёв в Силезии. Уцелевшие солдаты частью попали в плен, а частью ушли в леса, организовав небольшие отряды сопротивления. Позже в эти отряды стали вливаться крестьяне из сожжённых деревень и горожане, бежавшие от насильной мобилизации на работу в Германию и от преследований гестапо.

Неизвестно, сколько таких групп существовало в Борковицких лесах. В то время каждая группа действовала на свой страх и риск, без всякой связи с другими отрядами. Никаких надежд, никаких определённых планов у этих отрядов не было, кроме одного — стремления во что бы то ни стало выжить. Для этого нужно было как можно реже попадаться немцам на глаза. То есть — не обнаруживать себя. Превратиться в ночных мышей, в кротов, чуть ли не в призраков. Забиться в самые глухие чащобы. Не разводить

костров. Избегать открытых пространств. Не собираться большими группами. Не оставлять следов. Вот почему в лесах того времени не было отрядов больше пятнадцати — двадцати человек.

Но рано или поздно и до них добирались каратели из фашистской службы безопасности СД. И тогда от очередной группы не оставалось даже воспоминаний.

Борьба за линией фронта имела свои законы. Она требовала от каждого бойца почти нечеловеческой выносливости, выдержки, беспрекословной дисциплины и храбрости. Первым погибал тот, кто не выдерживал подобной жизни.

Люди Владислава Загуры прекрасно понимали это. Они безоговорочно подчинялись своему командиру и его заместителю, которого звали Лёнькой, а если в отряде появлялся новичок, в первый же день предупреждали об этом командиров.

Чтобы скрываться от немцев, нужно было непрерывно двигаться. И группа Загуры каждые сутки меняла места своих стоянок, минуя деревни и хутора.

Но для того чтобы жить, нужно было не только скрываться от карателей. Нужно было есть.

Приходилось решаться на обострения.

Когда кончались запасы, делали засаду у какой-нибудь дороги, идущей из большого села, и дожидались обоза с реквизированными у крестьян продуктами.

Загура действовал только наверняка. Он никогда не нападал на большие обозы. Он завязывал бой тогда, когда видел, что не проиграет. И сразу же уходил в чащу, заматавая следы.

Стычка с карателями СД на берегу Ниды была, по существу, первой значительной операцией отряда. У лесника хранились продукты, отбитые у немцев. Здесь был почти месячный запас муки, картофеля и солонины. Каким-то неведомым путём каратели узнали об этом и налетели на лесную сторожку тогда, когда Загура пришёл за провизией. Оставалось одно — принять бой.

И Загура принял его на берегу Ниды.

Призвав немцев к реке, поляки расстреляли их, не дав опомниться и организовать оборону. Всё было кончено в несколько минут. Это была ставка на внезапность. Только она давала выигрыш. И всё же, несмотря на преимущество неожиданности, отряд потерял трёх человек. В самом начале перестрелки получил тяжёлую рану в живот сам Загура. Командира заменил Лёнька. Он приказал собрать оружие и отходить в лес, в сторону Буско-Здруя, где у отряда была оборудована потайная база. Треугольник Пиньчув — Стащув — Буско-Здруй ещё был слабо «освоен» немцами, и партизаны чувствовали себя здесь в относительной безопасности.

В ЗЕМЛЯНКУ заглянул автоматчик, крикнул:

— Эй, кто здесь индеец? Выходи!

Станислав вскочил сразу, как будто ждал этого окрика. Он всегда просыпался мгновенно. Так приучили его ещё мальчиком в лагере Молодых Волков.

Автоматчик ожидал его снаружи, у входа. Серая смутная фигура, от которой пахло махоркой и потом давно не стиранной одежды.

— Приказано привести, — пробормотал он, словно оправдываясь.

Они прошли шагов тридцать и снова спустились под землю.

— Пан Лёнька, вот он!

Станислав снова оказался в той самой землянке, в которую его и Яна привели для первого допроса. Так же коптил фонарь на столе, так же сидел за столом тот, кого автоматчик называл Лёньюкой. Только теперь на нём уже не было шинели.

Станислав сел на ящик.

— Вас накормили?

— Да.

— Порядок. Теперь рассказывай.

— Что рассказывать? — спросил Станислав.

— Всё, — сказал Лёньюка. — Откуда ты. Что. Почему.

Станислав вздохнул. Сможет ли понять этот белый человек то, что у него на душе? Стоит ли доверяться белым, хотя бы и самым лучшим? Правда, там, в Кельце, в почтовом отделении, где он работал, были белые, похожие на друзей из его племени — такие же открытые, прямые, честные. Лёньюка, кажется, тоже такой. Очень трудно рассказывать о прошлом. Даже не знаешь, с чего начать. Прошлое — это история, как они приехали в Европу. Это Понтиак, Текумсе, отец, брат Танто и сестрёнка Тинагет...

«Есть одна человеческая доброта и одно человеческое зло, и хотя цвет кожи у людей разный, жизнь у всех одинакова. Каждый восходит, как солнце, и заходит в могилу, кончив свой путь, появляется на Земле, как весна, и ложится на покой, как зима», — так учил Овасес, так он сам понимал жизнь, когда был Молодым Волком. Но потом увидел совсем другое.

Непонятна была жизнь белых на их собственной земле.

Ещё когда они собирались в далёкий путь через Большую Солёную Воду, отец пришёл в тили матери и долго сидел у огня, посасывая свою калюми, украшенную голубыми перьями сойки. Пляшущие язычки пламени освещали его лицо, выхватывая из полутьмы то подбородок, то резкую линию лба, и только глаза оставались в тени, и не было видно, спокойны они или тоскуют. Но голос, когда он заговорил, оставался таким же, как и всегда, — ровным, с едва заметной хрипотцой, голос человека, привыкшего думать и повелевать.

— Вы едете в страну белых, — сказал отец. — Так надо. Белая Тучка, я понимаю твою тоску по своему племени. Ты должна побывать среди людей одной с тобой крови, чтобы погасить огонь этой тоски. Я не имею права удержи-

вать тебя здесь. Ведь даже маленький глупый серый кролик вапос возвращается к гнезду, в котором родился...

Он умолк, глядя на корчившуюся в костре веточку, которая постепенно превращалась в золотые продолговатые угольки. Молчала мать, выпрямившаяся у задней стенки шатра. Молчал Станислав, сидя на шкуре карибу у её ног. Когда веточка умерла в огне, отец заговорил снова:

— Я не знаю твоей родины, Белая Тучка. Но я слышал много рассказов охотников-трапперов о странах, в которых живут белые твои братья. Говорят, что они никогда не едят свежего мяса, а детей своих кормят молоком рогатых животных, от которых скверно пахнет. От этого дети у них хилые и такие слабые, что десятилетний мальчик не может натянуть тетиву лука, из которого стреляют наши семилетние ути. Говорят, что белые прячут своих мёртвых в земле, как шакал прячет падаль. И ещё говорят, что в тех странах нельзя ни спать, ни есть, если у тебя нет денег. И это особенно странно, потому что в любом индейском лагере путника всегда встретят радушно, накормят и приютят. Индеец, к какому бы он племени ни принадлежал, поможет любому человеку, попа-

шему в беду. Это закон жизни, без которого не могут существовать Свободные. А в земле белых, говорят, есть люди, которые не могут работать, и другие люди племени им не помогают. Хуже — на них смотрят как на умерших, вроде того, как мы смотрим на потерявших своё имя и своё лицо в бою...

Отец снова умолк, и снова в тишину наступила тишина, в которой бормотал только огонь на непонятном никому языке. Мать продолжала стоять, неподвижная и прямая, подняв руки к груди и сцепив их пальцами. Не отрываясь смотрела она на мужа, и в глазах её вспыхивали голубые искры, а волосы были похожи на бледно-золотые струи. Такой бывает вода в Макензи в час восхода.

Станислав сжался на своей шкуре. Впервые в жизни отец говорил так много и так долго. Нельзя было пропустить ни одного звука, ибо это были слова вождя и самого близкого человека.

— Белая Тучка, ты знаешь, что никто из индейцев не верит белым. Слишком много страданий они принесли на нашу землю, и ничего из обещанного они не выполнили. Белые всегда очень красиво говорят, но на завтра забывают свои слова и делают по-другому. Сто тридцать Больших Солнц назад такими красивыми словами они заманили моего деда Текумсе на свой военный совет и там убили его!

Голос отца стал вдруг звонким, как сталь, когда она ударяет о камень, и отец порывисто встал, бросив к своим ногам погасшую каляку. Тень его, похожая на тень горного орла, легла на стену типи, и Станиславу показалось, что орёл распахнул крылья и собирается

взлететь. Но это отец поднял руки, в ярости сжав кулаки.

— Ты слышала это много раз, женщина, от меня и от воинов моего племени. Ты знаешь, как всё это произошло. Но сын ещё ничего не знает. А он должен узнать, прежде чем отправится с тобой в чужую землю. Должен, потому что он — кровь от моей крови!

Отец жестом приказал Станиславу встать. Станислав вскочил и поднял руку в знак того, что внимательно слушает. И тут произошло невероятное. Отец шагнул вперёд и положил свою ладонь ему на плечо. Это был жест такой величайшей ласки и доверия, что Станислав замер, почти не дыша. Никогда ещё вождь племени шауни не обращался к своему сыну с такой теплотой. И в то же время лицо его было холодным, как камень, а в глазах всё ещё тлела ярость.

— Сын мой, — произнёс Высокий Орел, глядя ему прямо в глаза. — Настало время рассказать тебе о твоих великих предках. Я хочу, чтобы ты знал правду о моём деде и твоём прадеде Текумсе, которого все племена знали под именем Падающая Звезда. Я расскажу тебе о его брате Тенскватаве, одном из мудрейших воинов племени, о человеке, который поднял на войну против белых шестнадцать народов, от сик-сиков на севере до виандотов, семинолов и потаватоми на юге. Это было время великих воинов и великих дел, о которых ты должен помнить всегда, куда бы ни забросил тебя случай...

Станислав ещё раз вздохнул и начал говорить.

Текумсе, или Падающая Звезда

Только два месяца спустя Станислава начала подниматься на ноги. Пальцы были так сильно обморожены, что с них сошли ногти. Распухшие лиловатые ступни болели,

как будто их обварили кипятком. Она боялась гангрены. Но всё обошлось. Каждый вечер Ване-ци-са доставала из берестяного короба глиняный горшочек и, чуть каса-

ясь тонкими прохладными пальцами больной кожи, мазала ступни Станиславы медвежьим жиром. Она что-то говорила при этом. Тихий, журчащий голос успокаивал Станиславу. Она вслушивалась в незнакомые слова языка, пытаясь понять их смысл, поймать ритм певучих фраз, но не могла. Обессиленная, откидывалась на подушку и засыпала, будто ныряла в мягкую меховую пропасть.

В конце первого месяца ей всё-таки удалось поймать строй фразы и узнать значение полсотни слов. Она уже объяснялась с хозяйкой типи, всё меньше прибегая к жестам. Ещё в гимназии ей очень легко давались английский и французский.

Язык индейцев был образен. Грамматика проста. Она не скрывала фразу в раз навсегда установленную форму, а, наоборот, облегчала её. И благодаря этому фразы строились легко и непринуждённо. Именно такой язык больше всего подходил людям, привыкшим к просторам лесов и неограниченной свободе.

В конце второго месяца, когда она научилась сносно разговаривать, она узнала наконец, куда забросила её судьба. Но ещё раньше она поняла, что надежда добраться до поселений белых так же слаба, как слаб свет одинокой звезды, проглянувшей сквозь тучи.

Индейцы, приютившие её в своём лагере, называли себя народом шауни. Они были смелы, бескорыстны и великодушны. Но жизнь их текла в вечной тревоге, и мужчинам чаще приходилось держать в руках боевой лук, чем охотничий. Их неожиданные ночные переходы скорее походили на бесконечное бегство от какой-то неведомой опасности, чем на простую переммену мест охоты.

Однажды ночью Станислава проснулась от грохота барабана. Она и раньше слышала барабаны в лагере. Мерной дробью они собирали мужчин на совет или звали всех к месту Большого Костра, ког-

да нужно было решить какой-нибудь важный вопрос. Но такого тревожного ритма она ещё не слышала. Казалось, выдолбленная из ствола дерева колода задыхается, торопясь сообщить что-то грозное.

Ва-пе-ци-са высунула голову из мехового мешка, прислушиваясь. В красных отблесках огня глаза её показались Станиславе огромными, а лицо испуганным.

— Что случилось? — спросила Станислава.

Молодая женщина не ответила. Вискользя из груди мехов, она заметалась по шатру, срывая с подпорок одежду, мешочки с припасами, котелки и пучки трав.

Когда в шатре почти ничего не осталось, кроме голых стен да каких-то старых, вытертых шкур, Ва-пе-ци-са выбежала наружу, зачерпнула котелком снег и вывалила его на углы костра. Типи наполнилось дымом и паром. Стало темно.

— Что ты делаешь? — крикнула Станислава. — Зачем?

— Окиды, — сказала Ва-пе-ци-са. — Они близко. Они идут сюда.

Барабан продолжал грохотать в крошечной тьме, и от его звуков тяжело сжималось сердце.

Ва-пе-ци-са выбежала из типи и куда-то исчезла. Станислава лежала в спальном мешке, прислушиваясь к тому, что творилось снаружи.

Снова появилась Ва-пе-ци-са с двумя пожилыми женщинами, которые подхватили Станиславу и вынесли её из шатра на мороз. Её уложили на волокушу, сделанную из двух жердей, связанных концами. Два других конца расходились углом. В середине этого треугольника была расположена плоская продолговатая плетущка из ремней. Связанные концы жердей были прикреплены к задней луке седла небольшой лошади. Свободные опирались о землю.

Одна из женщин накинула поверх спального мешка, в котором лежала Станислава, волчью шкуру. Скрипнули концы жердей, во-

лочащиеся по снегу, и лошадь пошла в темноту.

Утром третьего дня караван вышел к берегу замёрзшего озера. Высокие сосны стояли у кромки белого ровного поля. Пухлые шапки снега лежали на бронзовых ветвях. Всё вокруг цепенело в глухом морозном сне. Малейший звук разносился в тихом воздухе далеко окрест.

— Ок-ван-ас. Длинное озеро, — сказала Ва-пе-ци-са.

Караван начал разгружаться.

И когда вновь было раскинуто типи, и жерди оделись покрывком из шкуры карibu, и внутри затрепещал хворост, которым Ва-пе-ци-са

кормила огонь, Станислава спросила ещё раз:

— Ци-са, почему вы уходите от белых?

— Мы их ненавидим, — сказала индианка.

— Почему?

— Белые люди приходят с красивыми словами, а уходят, унося на руках своих кровь.

— Не все белые люди такие, — сказала Станислава.

— Может быть, — пожала плечами Ва-пе-ци-са. — Но я ещё не видела хороших.

...СТО ЛЕТ назад шауни владели землями по среднему течению Огайо, притоку великой реки Миссисипи, или Отца Вод, как его называли все племена. К обоим берегам Отца Вод подступали тогда густые леса, полные дичью. В тихих заводях и озёрах серебряными косяками ходила рыба. Бобры перегораживали лесные ручьи прочными плотинами. Лоси призывно трубили весной. В голубом небе над вершинами деревьев медленно парили орлы, высматривая добычу. Омытая солнцем земля щедро дарила маленькому племени свои богатства. Летом и осенью охотники успевали сделать большие запасы вяленого мяса и пеммикана на зиму. Женщины собирали сладкие жёлуди и дикий рис, которые потом шли на муку. Даже дети выкапывали из земли съедобные коренья и впрок сушили их на плоских камнях.

То было золотое время больших охот, весёлых праздников и всеобщего благоденствия.

Зимой все с удовольствием вспоминали о том, что узнали осенью: о новом способе стрельбы из лука, о землях, виденных в далёких походах, о повадках бобров, об убитых козах и лосях, о сражениях с медведями, рассказывали разные интересные случаи, происшедшие с товарищами.

Так проводили вечера взрослые воины и охотники.

Девочки познавали другое. Они учились у матерей готовить вкусную пищу, выделывать шкуры и кожи для одежды, украшать готовую одежду красивой вышивкой, в которой каждая фигура орнамента означала утро, день или ночь, тотемные знаки рода и даже целые сценки из жизни того, кому одежда предназначалась.

Для мальчиков существовали особые школы, так называемые лагеря Молодых Волков — Мугиконс-сит. Лагеря находились далеко от главной стоянки племени, иногда в трёх-четырёх днях быстрой езды на мустанге. Мальчиков отправляли туда, как только им исполнилось пять лет, и матери встречали их уже восемнадцатилетними юношами, готовыми к посвящению в звание воина. Это делалось для того, чтобы материнская нежность, обычно не знающая предела, не испортила будущего мужчину, не превратила его в слабого человека с маленькой волей и мягким сердцем. Ибо настоящий воин должен, не моргнув глазом, перенести любую боль и любой душевный удар.

В лагерях Мугиконс-сит мальчики узнавали у старых учителей,

что думают о жизни их отцы, как они относятся к работе, к войне, к своим товарищам, к своей семье и к жёнам. Они познавали важность соблюдения обычаев и запретов. Они запоминали наизусть и учились рассказывать предания об истории своего народа, легенды и старинные сказания.

Уже с шести лет мальчик получал от учителя охотничий лук и привыкал бродить один по лесам, и одиночество в Чаще не должно было пугать его.

Все Молодые Волки были обязаны безропотно переносить тягости, неудобства и лишения. Охотничья жизнь требовала от юноши атлетической силы и выносливости, он должен был два-три дня обходиться без пищи и воды, не обнаруживая следа усталости. От него требовали также, чтобы он мог бежать целые сутки, не делая перерывов для отдыха. Он учился ходить по лесной стране без всяких дорог и тропинок и ни днём, ни ночью не терять направления.

В начале XIX столетия англо-американские торговые компании на востоке Штатов объявили о покупке бизоньих шкур.

И тогда ЭТО началось.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
СЛЕДУЕТ

Разрешите пройти!

Второклассник стоял в дверях дома и ждал приятеля.

Шёл домой пятиклассник, схватил за шиворот второклассника и закричал:

— Чего под ногами болтаешься!

Шёл домой семиклассник, схватил за шиворот второклассника с пятиклассником, чтобы они не болтались под ногами.

Шёл домой десятиклассник, схватил за шиворот в дверях второклассника, пятиклассника и семиклассника, раз они болтаются под ногами.

Затем, разумеется, семиклассник вцепился в десятиклассника, пятиклассник в семиклассника, а второклассник в пятиклассника. Никто не считал, что он болтается у кого-то под ногами. Не может же такого быть, чтобы люди друг у друга болтались под ногами!

Шёл домой старик.

Но разве он мог пройти?

Он сказал:

— Разрешите.

И все отпустили друг друга и пошли домой, кроме второклассника. Он опять встал в дверях.

Ведь он ждал своего приятеля.

Зачем же хватать его за шиворот?

Хотя... можно встать возле дверей!

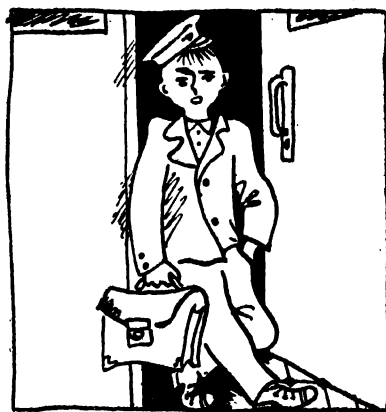

Рис. Ю. Бочкарёва

ИСТОРИЯ

БЕЗ ТАЙН

Живя среди тайн, работая с тайнами, сыщики и сами становятся таинственными. У них таинственный взгляд, таинственная улыбка, весь вид — таинственный.

Вы понимаете, что я имею в виду, говоря о виде? Всё то, что выражает их лицо, жесты и тому подобное. В общем, вы знаете, что это такое. Незачем объяснять подробно.

Так вот, Костя смотрел на себя в зеркало. Нет, не сейчас, а вообще. И именно потому, что в его внешности ничего таинственного не обнаружилось, он ужасно расстраивался. Лицо — какое может быть у любого одиннадцатилетнего парня. Похож на обычного ученика четвёртого класса, и только. А Костя меньше всего хотел быть на него похожим. Ведь он же сыщик! И притом с немалым опытом. Это он в прошлом году открыл тайну исчезновения лампочек в лифте, это он выявил причину, почему все пальто на вешалке остались без пуговиц. И вот такая невыразительная внешность...

Жить среди тайн, работать с тайнами, разгадывать тай-

ны — и ничего таинственного в своей наружности!..

Всё, что ему удалось (понятно, не без усилий), это обрести таинственность в манере разговора. Костя отказался от определённых, точных ответов. Если его о чём-то спрашивали, он сначала делал паузу, потом сквозь зубы процеживал: «мда», или «возможно», или «кто его знает?» Неопределённые ответы требовали и неопределённых жестов. В этом направлении тоже удалось добиться некоторых результатов.

— Пойдёшь купаться, Костя?

Пауза.

— Мда.

— Какой сегодня день, Костя, среда или четверг?

Пауза.

— Возможно...

— Как ты думаешь, Костя, есть жизнь на других планетах?

Пауза.

— Кто его знает?..

Но этого, конечно, слишком мало. Костя это отлично понимал. На большее, к сожалению, он не был способен. Вероятно, у всех людей есть какой-то потолок...

Но настоящее огорчение ему пришлось испытать в тот день, когда его товарищ по парте Марин Добрикэ, которого он часто называет ласково Мари-никэ (что, правда, не очень под-обает сыщику), обнаружив, что у него пропала авторучка «школьная» зелёного цвета и с обгрызанным концом, этот самый Марин Добрикэ даже не подумал к нему обратиться. Ему даже не пришло в голову сказать: «Слушай, Костя, ты тот человек, который мне нужен, только ты можешь рас-крыть тайну пропажи моей ав-торучки. Мне известны твои способности, ты их не раз уже доказал, и я на тебя надеюсь».

Так нет же! Всё это он ска-зал не ему, а Дану — новичку, самозванцу, сыщику-любите-лю, каких теперь немало раз-велось, нулю без палочки, и только. Ладно, уважаемый Марин Добрикэ, ты ещё пожа-

леешь. Настанет такой мо-мент, вот увидишь. Дан най-дёт твою авторучку, когда на классной доске распустятся почки и на учительском стуле созреют черешни. Но не думай, что я отступлю. Сказал же ка-кой-то правитель прошлого: «Вы меня не хотите, но я вас хочу!» Я начинаю свой розыск сам!

Для Кости наступили труд-ные часы. Может быть, самые трудные в его карьере сыщика. Подозревать он никого не мог. Этого себе он не позволял. Та-кой у него принцип. Он считал, что подозревать товарища, да-же мысленно, в таком ужасном поступке, как кража пусть ни-чтожной авторучки «школь-ная», недостойно, непозволи-тельно.

У Дана же отправной точкой была совершенно другая. Он считал, что подозревать нужно всех, и начал с того, что пер-вый вывернул наизнанку свои карманы. Ещё он считал, что сыщик не должен никому дове-рять, даже самому себе. Каков был результат всеобщего розыс-ка? Ничтожный.

А вот метод выводов Кости основывался на психологии. Если вы знаете, что это такое, хорошо. Если же нет — возь-мите словарь и тогда сами убе-дитесь, что психология — нау-ка, занимающаяся изучением духовной деятельности челове-ка, а психолог — это знаток че-ловеческой природы. Кто же лучше мог знать Марина Доб-рикэ, кто лучше наблюдал и изучал его духовную деятель-ность, его натуру, как не това-

рищ по парте. Заключение? Марин Добрикэ был ужасно рассеянным человеком. Косте понадобилось лишь задать ему несколько умелых, точных наводящих вопросов: «Ты куда-нибудь заходил до школы?», «Нужна ли была тебе авторучка там, где ты был?», «Вынимал ли ты из портфеля авторучку?» — и вот след обнаружен. След, который вёл к разгадке тайны. Да, Марин Добрикэ зашёл куда-то до школы. Да,

Марину Добрикэ нужна была там авторучка. Да, Марин Добрикэ вынимал её из портфеля. Это было на почте, где он написал адрес на конверте письма, которое бабушка просила отправить...

Почта помещалась в двух шагах от школы. Во время большой перемены Костя сбегал туда, спросил, не находил ли кто-нибудь авторучку «школьная». «Какую авторучку?» — спросили его. «Зелёную, обгрызанную», — ответил Костя, а потом... Что потом?

Какое имеет значение радость Марина Добрикэ и кислая мина Дана?

Он, Костя, остался таким же, каким был. Ни эта задача, ни прежние разгадки тайн не изменили его. Зеркало и теперь отразило бы опять-таки обычное лицо парнишки, ученика, в котором ни чуточки таинственности, просто ни капли.

— Как же тебе, Костя, удалось найти мою авторучку?

Пауза.

— Мда...

— Ты долго ломал голову?

Пауза.

— Возможно.

— Костя, ты молодец!

Пауза.

— Кто его знает!

Перевод с румынского Ф. МИРЕНЕР

С ЛУКОШКОМ ДО ЗЕМНОМУ ЦАРУ

Путешествуют туристы по всему белому свету: летают на быстрорылых лайнерах, плывут на быстроходных кораблях, едут на быстроколёсных поездах и машинах. Туристы-созерцатели путешествуют с фотоаппаратами и кинокамерами; туристы-покупатели — с огромными санями и чемоданами; туристы-грибники берут ещё с собой лукошко. Берут, чтоб привезти домой полное лукошко... грибных историй.

Вот некоторые из них.

* * *

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В 1912 году доктор Франтишек Смотлаха организовал в Праге первую большую выставку свежих грибов. И с той поры бесперебойно, даже в чёрные времена фашистской оккупации, грибные выставки устраиваются не только в столице республики, но и во многих посёлках. В стране создано ЧСМО — добровольное народное чехословацкое микологическое общество. Почти во всех школах работают кружки любителей грибных прогулок.

* * *

ФРАНЦУЗЫ-СЕВЕРЯНЕ сочинили о французах-южанях множество шуточных историй, в которых подсмеиваются над их склонностью преувеличивать, прихвастнуть. Однако Альфонс Доде, автор «Тартарена из Тараскона», считает, что «южанин не лжёт, он ошибается. Если слова его и лживы, то сам он думает, что говорит правду. Это, в сущности, не ложь, а как бы обман зрения».

Грибники могут сами убедиться, что писатель, пожалуй, прав, услышав следующую историю.

Гасконец встретился однажды с марсальцем и говорит: — Знаете, у нас растут шампиньоны высотой с дуб!

— О, это поразительно! — ответил марсалец. — Ну, а у нас дубы вырастают под шампиньонами.

* * *

Уже много веков английские микологи страстно призывают своих соотечественников собирать дикие грибы. Они доказывают, что их леса куда богаче дарами природы, чем в Италии, Франции, Германии. И всё же, горестно замечает доктор Бедгем, Англия — «единственная страна Европы, в которой эта важная и вкусная пища вследствие невежества и предрассудков остаётся без употребления».

В середине прошлого века знаменитый миколог Берклей вынужден был специально посетить заседание правительственного пищевого комитета и с грибами сандвичем во рту доказывал почтенным лордам, что грибы очень полезны, безопасны, но так и не смог убедить их.

В 1868 году члены Вульхопского клуба полевых натуралистов, чтобы заинтересовать население, устроили шумную коллективную экскурсию в лес. Они нашли громадную — на 12 фунтов — ПЕЧЕНОЧНИЦУ ОБЫКНОВЕННУЮ, назвав её

растительным бифштексом, нарвали кучу **ИВИШИНЕЙ**, назвав их сладким растительным хлебом. Короче говоря, набрали множество — около 30 видов — съедобных грибов. После экскурсии они устроили весёлый грибной пир, на который пригласили всех желающих. Народу собралось видимо-невидимо, каждый не прочь был опрокинуть даровую кружку душистого, огненного рома, но закусывать «растительными бифштексами» и «растительным сладким хлебом» никто из простолюдинов так и не осмелился. Членам Вульхопского клуба пришлось съесть все грибные блюда самим.

С той поры прошло сто лет. Английские микологи по-прежнему ведут самоотверженную яростную борьбу за признание гражданских прав «лесного народца». Но, увы, — безуспешно. Грибная революция в Англии пока не созрела. Англичане по-прежнему признают лишь три гриба: сморчки, которые они привозят из Италии, хотя собственными сморчками они могут завалить все рынки Европы, трюфели, которые покупают во Франции, хотя свои отличные трюфели пропадают под землёй, и шампиньоны — эти грибы англичане научились выращивать мастерски.

* * *

В ШВЕЦИИ никто сроду не видел лиственничных маслят. Но когда учёные посадили сибирские лиственницы — вдруг под молодыми пушистыми деревьями загорелись оранжево-красные «апельсины» с жёлтыми салфеточками. Выходит, грибы эти сами, на одной ножке пришли из Сибири в Швецию?

* * *

Горные еловые леса **БОГЕМИИ** славятся белыми грибами. Жители одной деревушки испокон веков заготавливали их в великом множестве — сушили, мариновали, варили и жарили свежими. От дедов к внукам шло поверье — тот, кто ест боровики, не заболит раком. И в самом деле, когда врачи испытали действие грибных веществ на рак у мышей, они пришли в восторг: да, действительно, боровики из Богемии тормозят развитие злокачественных опухолей. Исследования продолжают. Грибные «поливинили», по-видимому, решили объявить войну самой коварной и страшной болезни человечества.

* * *

В АВСТРАЛИИ водятся самые гигантские трубчатые грибы земного шара. Диаметр их шляпки достигает 90 сантиметров.

* * *

ВО ФРАНЦИИ для поисков чёрных трюфелей дрессируют свиней. Они чуют трюфели за 50 метров и подрывают их рылом, на которое надет крепкий ремённый намордник. Наиболее прыткие и ретивые ловко подбрасывают грибы вверх, как жонглёры-циркачи цветные шары, — пожалуйста, месье, подставляйте свои ладошки. Ленивые же и невоспитанные слюнявят их хрюкалкой.

За верную службу хозяин награждает помощников щепоткой кукурузы, жёлудями, горстной распаренных бобов.

Так и бродят французы по гористым зелёным дубравам с двумя ношами: за спиной — корзина с трюфелями, на груди — мешок со свиньячим кормом. Вместо палочки-выручалочки — длинный нож, чтобы выкапывать грибы, и короткий толстый дрын, чтоб бить хавронью по носу за строптивость и непослушание.

Но свиньи очень скоро утомляются, падают, задирая попыта вверх.

В ИТАЛИИ ищут трюфели с помощью собак. Для этой цели лучше всего подходят коротконогие пудели и болонки. Охотничьи породы собак не годятся: при виде зверей и птиц они бросают грибы и носятся по лесу до одурения.

Собаки приучают к «тихой охоте» со щенячьих лет. Сначала поят их молоком с трюфельным отваром, затем кормят овсянкой тоже с трюфелями. А уж потом закапывают под деревьями и сырые грибы. Ищите!

Привязав на длинный шнур свою четвероногую помощницу, итальянец с тревогой идёт в лес: выдержит ли его воспитанница экзамен? Трюфельщики сами трюфели не едят, как не носят золотых украшений старатели, не щеголяют бриллиантами добытчики алмазов. Эта роскошь — только для толстосумов.

Мучимая голодом собака жадно принимает, тянет хозяйина за собой к поляне и начинает залиисто лаять, разрывая лапами землю. Вот они — чёрные мышки-норушки!

Молодец! Ученица достойная! Получай за это корочку горелого хлеба.

Очевидцы утверждают: даже простые шавки «так прививают к отысканию трюфелей, что чувствуют к этому такое же сильное пристрастие, какое замечается у охотничьих собак при отыскании дичи».

* * *

В МОСКОВСКОЙ губернии прошлого века собирали трюфели с помощью дрессированных медведей. И надо справедливо заметить, русские Косолапычи затмили добычливостью да усердием и знаменитых французских свиней, и прославленных итальянских болонок. К сожалению, у медведей был отличный целебный жир, которым любили лакомиться столбовые дворяне-помещики, и отличная лохматая шкура, в которую любили кутаться нестолбовые купцы. И потому медведям нашим стало не до трюфелей...

* * *

На огородах ШВЕЦИИ вдруг выныривают из грядок ДОЖДЕВИКИ-ВЕЛИКАНЫ. За одну тёплую ночь они раздуваются шире капустных кочанов и даже соперничают с тыквами. Сколько раз, бывало, у косарей на лугу в густой белой мякоти дождевика позорно застревала коса — не в силах расщепить гриб единым взмахом. Шведы приносят эти грибы домой, как бесценную счастливую находку, и жарят ломтями в сливочном масле. Самый большой дождевик-головач Швеции весил 7 килограммов 600 граммов. По подсчёту учёных, за одну минуту своего роста он производил 20 000 клеток.

* * *

В широких травянистых прериях Центральной Америки, на жирной плодородной почве, унавоженной в древние времена бизонами, растут гигантские серебристо-белые ДОЖДЕВИКИ КАЛЬВАТИИ. Один такой гриб-рекордсмен походил на пышно взбитую королевскую перину длиной 1,6 метра, шириной 1,35 метра и высотой 0,4 метра. На нём свободно могли бы поспать три человека!

Эта «лебяжья перина» содержала 160 триллионов спор!

Путешественники рассказывают, что, если нечаянно наступить на зрелый дождевик Кальватии, раздаётся оглушительный взрыв, будто наскочил на мину, и в небо вздымается такое густое облако едкого спороносного дыма, что поблизости становится невозможно дышать.

По рассказам путешественников, многие племена, населяющие АФРИКУ, собирая дары природы, присматриваются к диким зверям, особенно к бабуинам. Если, например, обезьяны пожирают грибы, значит, их можно есть и людям. Особенно хорошо различают ядовитые грибы от съедобных пигмеи, живущие в тропических джунглях Конго.

* * *

Самый строгий санитарный надзор — в ЖЕНЕВЕ. Из 78 805 килограммов грибов, поступивших в 1920 году на рынки, инспекторы уничтожили как ядовитые, подозрительные или проточенные червями 1672 килограмма. В 1925 году они осмотрели в магазинах 1283 килограмма сушёных боровиков, из них конфисковали 421 килограмм как испорченные и недозволённые к употреблению.

Самый лучший санитарный надзор в МИЛАНЕ. За многие десятилетия своего существования он не пропустил по ошибке или халатности ни одного ядовитого гриба, не позволил отравиться ни одному миланцу.

Самый осторожный санитарный надзор в ЛИОНЕ, где разрешено продавать только шампиньоны, сморчки, боровики, лисички и булавницы. В других городах Европы допускается на рынки 20—30 видов грибов, а местами и все 100.

* * *

Известно ли вам, что в наших лесах висят на деревьях непочатые клады... для художественной фантазии? Из многоцветной губчатой мякоти трутовиков народные умельцы изготовляют забавные вещицы: статуэтки, персонажи сказок, шкатулки, рамки, полочки, портсигары, детские игрушки. Из этих же грибов делают бритвенные ремни, перчатки, домашние тапочки и даже... шлемы для мотоциклистов.

* * *

Трубчатые грибы испокон веков помогали человеку добывать огонь.

Сухая мякоть трутовиков не вспыхивает, как стружка и солома, не сгорает мгновенно, как листва и трава, а тлеет медленно, спокойно, сохраняя жар при любом ветре, при любой ненастной погоде. Достаточно ударить кремёнь о кремёнь — и на губке появляется яркая оранжевая звёздочка. Разводи очаг, хозяйка! Раскладывай костёр, охотник!

Совсем недавно, в годы второй мировой войны, когда спички не всегда можно было достать, крестьяне пользовались огнивом: обломком стального напильника высекали на трут из кремнистых камней густые искры.

* * *

Некоторые любители собирают грибы не только для супа или жаркого, но и для... цветочных ваз, чтоб украсить комнату.

Есть в наших лесах грибные цветы, которые похожи на густые сосульки-мохнатушки. Сосульки тонкие, упругие и пахнут остро, приятно — осиновой корой. Поместишь такой чудо-кустик в хрустальный кувшин — и он стоит себе неделями, целёхонький, свежий, радуя взор чистой фарфоровой белизной, затейливой ветвистостью. А если посчастливится найти еще жёлтый, кремовый или светло-розовый грибной куст, то и вовсе не оторвёшь взгляда от дивного лесного букета.

Называют грибные цветы ежовиком, а точнее — ГЕРИЦИЕМ КОРАЛЛОВИДНЫМ.

Можно ставить в плоские фаянсовые вазы-лодочки букеты из... КРАСНЫХ МУХОМОРОВ. Осторожно вместе с землёй

выкапывают красно-оранжевые колобки и обкладывают их свежим зелёным мхом, чтоб они росли, точно на лужайке. Каждый может прямо дома не только вдоволь налюбоваться лесными звёздами-сказками, но и посмотреть, как они растут. У молодых мухоморов-колобков на макушке белые островерхие конусы, а на вздутой ножке — ровные, будто выточенные резцами скульпторов, выступающие бороздки. Постепенно шляпка мухомора выпрямляется, края загибаются вверх, словно крыша у китайской пагоды, а на белую ножку сползают сборчатые бархатисто-кремовые манжетки с четырёхугольными жёлтыми бубенцами.

Свежие мухоморовые букеты пахнут приятно, а старые, недельного возраста, надо скорей выкидывать. Но ведь и тюльпаны, например, не очень-то долго стоят.

* * *

Знаете ли вы, что красные каргопольские **РЫЖИКИ** считаются лучшими в мире? Олонецкие купцы созили их в светлых, прозрачных бутылках из-под вина, чтоб заметнее были, и посылали в чужие страны. Французские грибоеды очень ценили этих малышей-оранжевиков.

На Каргопольщине рыжечники-оральщики подразделялись на «бегунов» и «топтальщиков». Бегуны просыпались обыкновенно вместе с петухами, чтоб никто не опередил, и галопом мчались по лесу, отмахивая за день по 20—30 вёрст. Топтальщики вставали нормально, как и все крестьяне, засовывали под пояс краюху ржаного хлеба и не спеша, мурлыкая под нос весёлую заветную песенку, кружились себе где-нибудь вблизи опушки. То палочкой-развилочкой под сухой лист клонут, то пальцами босых ног начнут что-то нащупывать сивозь пушистый мох. А кошелёк всё тяжелее и тяжелее, будто не грибки в нём бросают, а монеты медные. Бегуны набирали за утро 2—3 фунта малюток, а топтуны по 20—30 фунтов.

* * *

Настоящие груздятники ищут **ГРУЗДИ** не с помощью волшебной палочки-выручалочки и не глазами их высматривают, не ногами вытаптывают. Настоящие груздятники ищут грузди...

— Как же их найти-то?

— А... носом! Придём да понюхаем. На утренней заре чувствуется, как едко, остро пахнет груздь. У груздя сок, как молоко с перцем: белый, жгучий на вкус. Его ни улитка, ни червяк не трогают, ничей зуб не кусает, никакой клюв не клюёт. Без царяпин, без пятнышка он растёт в холоде осенних ночей — самый чистый гриб груздь.

Писатель Лесник хорошо рассказал о груздём духе. Но прав ли он в том, что настоящий белый груздь ни одно живое существо, кроме груздятников, не трогает? Сходите, помалуйста, в лес, найдите груздь собственным носом и посмотрите собственными глазами — так ли это?

* * *

Слышали ли вы когда-нибудь, что страшная эпидемия **ДОВОМЫХ ГРИБОВ-МЕРУЛИУСОВ**, ежегодно уничтожавшая на 15 миллионов рублей железнодорожных шпал и ещё больше зданий, пришла из Европы в Россию в 1880 году?

В этом году в соборе Брест-Литовской крепости, когда батюшка проповедник гневно изрёк: «Да будут богохульники и лиходеи низвергнуты в огненну пропасть» — и грозно топнул ногой, он вдруг на глазах у потрясённых верующих... провалился сивозь пол. Оказывается, все балки под алтарём источили домовые грибы.

В 1897 году прожорливый морулиус воровато забрался в архив Омского управления государственного имущества и в бурюю труху «изжевал» все ценные бумаги.

В 1903 году он «съел» большую железнодорожную больницу в Сибири, затем «проглотил» сцену Курского летнего театра «Ливадия», а также развалил несколько солдатских казарм.

В 1911 году этот безмолвный хладнокровный диверсант убил в Москве женщину, обрушив на неё тяжёлую балку.

Но больше всего почему-то не везло тем учреждениям, которые по долгу службы обязаны были бороться с ненасытным грибным разбойником. То в химической лаборатории Петербургского лесного института проламывались сгнившие полы, то перекашивались подточенные грибами здания в Ботаническом саду. Казалось, злой морулиус мстил учёным за то, что они разоблачали его преступные проделки.

Юристы беспомощно разводили уголовными и гражданскими кодексами — кого судить? Лесопромышленников? Министров? Строителей?

А главный уголовник — домовый гриб по-прежнему свободно разгуливает по белому свету, и никто не может посадить его за железную решётку.

* * *

Богата и разнообразна окраска грибов. Учёные-микологи при их описании пользуются специальной «шкалой цветов», в которой содержатся 105 тоновых оттенков. Подумайте только — 105! Тут и какой-то бистровый, и сигарный, и бумажный цвет, и цвет скорлупы лесного ореха, шерсти сэрны, мяса дальневосточного лосося, разбавленного кагора, слоновой кости.

Когда вы будете покупать лесные концентраты — сухой грибной суп, грибную кашу, грибное пюре или ещё какие-либо другие блюда, не забывайте, пожалуйста, что «концентраты» впервые были изобретены в 1813 году основателем Харьковского университета русским учёным Василием Назаровичем Каразиным.

* * *

Сушка грибов — не такое уж простое дело. В старину крестьяне сушили для себя всё подряд, помнили житейскую мудрость — «что летом — пинком, то зимой — блинком». А белые они запасали для продажи.

Существовало несколько методов сушки, от которых зависело качество лесного товара.

СУДИСЛАВСКИЙ способ: грибы стелились прямо на горячий под русской печи. Как бы хорошо ни подметали хозяйки кирпичи, зола всё равно прилипала к ним, и белые становились серыми, а следовательно, дешёвыми.

ЯРОСЛАВСКИЙ способ: шляпки надевались на железные спицы, вбитые в дощечки.

ВЛАДИМИРСКИЙ способ: шляпки насаживались на прутья, которые втыкались в глиняные горшки с песком и загонялись на под.

При **ТВЕРСКОМ** способе грибы сперва нанизывают на нитки, подвяливают на жарком солнце, связывают в пучки и укладывают в тёплую печь на чистую солому. Ожерелья получают духовитые, без единой соринки.

На **ТОРЖКОВСКИХ** фабриках белые сушили в огромных липовых ситах над раскалёнными боровами (дымоходами печей).

Пожалуй, самый загадочный гриб в мире — **СЕТКОНОСКА УДВОЕННАЯ**. Она похожа на знаменитую бразильскую «даму с вуалью», которую учёные называют колокольчатой диктиофорой. Сетконоска — тоже диктиоффа, так сказать, родная сестра модной бразильской «дамы». Но появляется она на нашей планете в самых неожиданных местах: то в Америке, то в Англии, то в Западной Сибири, то в Прибайкалье. Мельнёт, словно метеорит, и навсегда исчезнет. Никто из микологов не знает, где встречать эту своенравную кочующую «даму». Как никто из астрономов не скажет заранее, где принимать космических гостей — метеориты. Потому и называют удвоенную сетконоску двойным именем: диктиофорой и ещё **МЕТЕОРНЫМ ГРИБОМ**.

* * *

Вы, конечно, сами убедились, что дубовая древесина — не то что берёзовая. От неё щербятся топоры, крошатся лезвия стамесок, затупляются рубанки и фуганки. Чтоб легче было работать, человек призвал на помощь грибы — **ПЕЧЕНОЧНИЦУ ОБЫКНОВЕННУЮ**. Мало того, что печёночница разрисовывает невыразительную жёлтую дубовину сочными красно-бурыми разводами, она делает её мягкой, вязкой, легко поддающейся резцам столярных инструментов и токарных станков. Художники-краснодеревщики с удовольствием пускают такую древесину на оклейку дорогой мебели, книжных полков, декоративных стенов.

* * *

До войны, а именно в 1939 году, неутомимая исследовательница М. Ф. Фрейндлинг заложил в белорусской пуще, вдали от людских селений, необыкновенную плантацию, которую охраняли только птицы и звери. Она получила с гектара до 500 килограммов отменных белых грибов.

Ныне, к сожалению, добрая лесовичка умерла, и бедным боровикам осталась прежняя горькая доля надеяться лишь на помощь ветра, червей, мух и слизняков.

Добрая белорусская лесовичка оставила грибникам советы, как выращивать грибы. Для этого надо выбирать шляпки самых спелых боровиков, объясняла она, или лучше плодородную губку от них, разболтать хорошенько в ведре с водой и вылить споры под деревья, разрыхлив почву вилкой. Разумеется, берёзовые белые грибы сеют под берёзами, а сосновые — под соснами.

Можно сажать мицелий, для чего из заведомо богатых боровиками мест вырезают после дождя небольшие плитки почвы и переносят их в лунки.

* * *

Самое крупное в мире грибное хозяйство создано в **АМЕРИКЕ**, в заброшенной шахте. Там, в подземных галереях, длина которых 24 километра, ежегодно выращивают с помощью специальных машин 6250 тонн шампиньонов.

Американские фермеры собирают за сезон от 10 до 34 килограммов шампиньонов с квадратного метра теплицы.

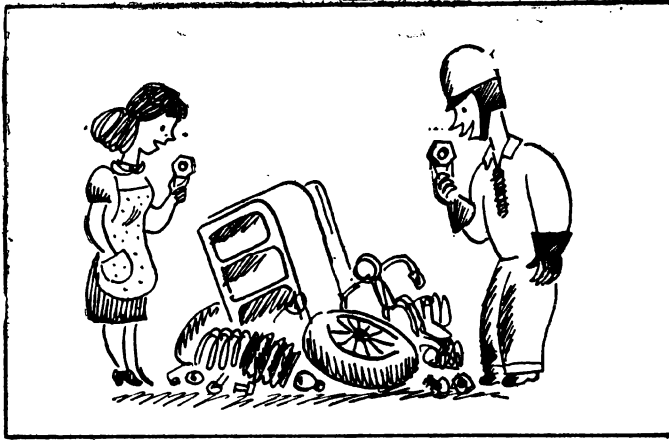

* * *

Как только во **ФРАНЦИИ** научились искусственно разводить трюфели под дубами, экспорт этих дорогих грибов с каждым годом стал шириться. Если в 1865 году Франция вывезла за границу лишь 52 тонны, то в 1867 году — уже 1588 тонн чёрных трюфелей. И ныне она занимает первое место в мире по сбору трюфелей.

Собрал П. СИГУНОВ
Рис. А. Курушина

ДОЛОЙ РАЗНОБОЙ

НИЧЕГО ОБЩЕГО? ТАК ЛИ ЭТО?

Что общего между холодильником и мотоциклом? На первый взгляд такой вопрос кажется нелепым: «Ничего общего», — ответит уверенно любой из вас.

Но не будем спешить.

Разберём мотоцикл, а потом и холодильник. Свалим их детали в кучу и хорошенько перемешаем. Ну-ка попробуйте теперь сказать, от чего этот винт или вот эта втулка? Внешне они ничем не отличаются. Тот же самый металл, одинаковые размеры. Какая же из втулок мотоциклетная? Не ломайте голову. Отличить их вам не удастся. Это как раз и есть то общее между мотоциклом и холодильником, что вы уверенно отрицали.

В любой паре машин можно без труда найти десятки одинаковых деталей — планок, кронштейнов, шестерёнок. Поэтому можно с полным правом говорить о сходстве самолёта и трактора, мясорубки и велосипеда.

Но это — случайные совпадения. А нельзя ли детальки и детали, из которых состоят машины, сделать

одинаковыми сознательно? Тогда, например, из велосипеда с моторчиком мы сможем собрать электропилу или двигатель для лодки. Пока что о таком можно прочитать только в фантастических романах. Там из нескольких стандартных элементов создаются любые машины!

Мыслимо ли это? Не слишком ли далеко уносятся писатели на крыльях мечты? Давайте попробуем разобраться.

Сегодня наша промышленность выпускает сотни тысяч самых разных деталей. Посмотрите на нашу холодильно-мотоциклетную кучу. Из двухсот килограммов деталей мы сумели найти всего лишь четыре-пять одинаковых пар. Все же остальные разные. Но это опять-таки на первый взгляд. Если посмотреть внимательнее, то окажется, что многие детали очень похожи друг на друга. У одной есть небольшой выступ, а у другой нет. Вот и вся разница.

А разве нельзя было эту деталь сделать без выступа? Можно. И другие детали после небольшой переделки тоже можно сделать одинаковыми. Вот тогда-то появится

реальная возможность сделать из одной вещи другую.

Сейчас наши учёные и инженеры проводят большие работы по приданию «похожести» самым непохожим вещам. Эти работы называются унификацией.

Не так давно в нашем народном хозяйстве использовалось 80 тысяч различных зубчатых колёс. Их ставили в тепловозы, автомобили, станки. Найти пару одинаковых шестерёнок здесь было почти невозможно. А нужны ли все эти 80 тысяч? — задумались инженеры. Ведь очень многие шестерни почти не отличались друг от друга. И решили — не нужны. Количество типов зубчаток сократили в 20 раз! Всего их осталось 4 тысячи. Теперь они гораздо чаще стали встречаться сразу и в тепловозах и в станках. Значит, мы сделали ещё один шаг к осуществлению фантастической мечты о создании из одной вещи десятков других.

И это не всё. Оказалось, что унификация зубчаток дала экономию в 30 миллионов рублей! А сколько сэкономлено первосортного металла! Из него можно изготовить столько «Запорожцев», что, если бы поставить их колонной, вплотную друг к другу, эта колонна протянулась бы от Ленинграда до Пушкина — на целых 25 километров!

Когда решается вопрос, какие детали изъять, а какие оставить, инженеры всегда оставляют лучшие. Кто не знает, что такое пробка от бензобака? Она есть у каждого автомобиля и трактора. Деталь вроде бы «ерундовая». Но оказывается, что от того, хорошо ли пробка защищает бак от пыли, зависит долговечность двигателя. Ведь пыль, попав в бак, идёт дальше — в мотор, он засоряется и быстрее выходит из строя. Дело осложнялось ещё и тем, что закрыть бак «наглухо» нельзя. Ведь тогда бак повёл бы себя точно так же, как перевёрнутая трубочка с водой, верхний конец которой закрыт пальцем. Топливо из бака, как и вода из трубки, не полилось бы. Пришлось оставить в пробке от-

верстие, но такое, чтобы оно, пропуская воздух, задерживало пыль.

Все четыре тракторных завода страны — Липецкий, Волгоградский, Минский и Харьковский выпускали разные пробки. Все они, кроме харьковской, были тяжелы, дороги и пропускали пыль. Спрашивается, какой смысл делать пробки четырёх видов? Никакого. Вот инженеры и решили, что лучше всего их унифицировать. Вместо четырёх пробок выпустить одну — харьковскую. Тем более что за счёт этого можно будет экономить ежегодно 500 тонн металла... на одних пробках.

Это пришлось по душе и трактористам. Пробка — такая вещь, что её недолго и потерять. Сунул куда-нибудь, пока бак заправляется топливом, и забыл. И нет пробки. А пойдёшь на склад, там предложат липецкую пробку, в то время как нужна харьковская, или наоборот. Унифицированные же пробки все одинаковы.

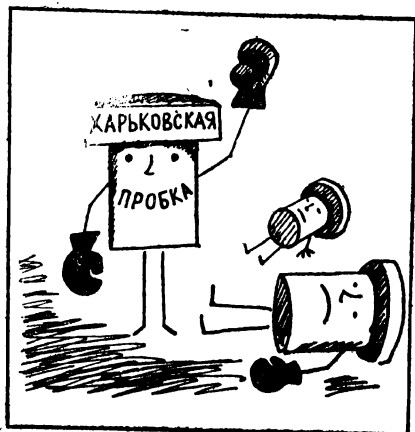
Так шаг за шагом мы приближаемся к такому положению, когда не только пробки, но и все другие детали одних машин будут подходить к другим, когда, разобрав машину, можно будет собрать из неё другую, внешне совершенно на неё непохожую, причём не из специально изготовленных для этого агрегатов, а из самых обыкновенных деталей.

Впрочем, это время не так уж далеко от нас, как вы, может быть, думаете.

Есть такой электрический прибор — амперметр. Он одинаково необходим и железнодорожникам, и морякам торгового флота. Прибор, собственно, для них и предназначен, поэтому он сделан так, что не боится ни тряски, ни ударов. Не боится он холода Арктики и зноя среднеазиатских пустынь. Словом, хороший прибор. На ленинградский завод «Вибратор», где его изготавливают, приходят письма благодарности со всех уголков Советского Союза, где он эксплуатируется. Но никому — ни морякам, ни железнодорожникам — невдомёк, почему он

так хорош. Оказывается, 95 процентов деталей этого прибора — унифицированы. Это значит, что те же самые детали входят и в состав других приборов, выпускаемых заводом. Значит, разобрав один прибор, мы можем собрать из него другой, новый. Нам понадобится для этого всего 5 процентов новых деталей.

Конечно, это здорово, но главное всё же в другом. Вспомним зубчатки, о которых мы говорили выше. Допустим, стране нужно было 10 миллионов зубчаток. Мы сокра-

тили число их типов или, скажем проще, партий. Но ведь нам всё равно нужны те же 10 миллионов! Значит, поскольку самих партий стало меньше, количество зубчаток в каждой партии выросло. Теперь вместо, скажем, 100 зубчаток одной партии мы изготовим 100 тысяч. Чтобы сделать всего 100 деталей, даже старенький станок невыгодно покупать. Другое дело — 100 тысяч! Теперь мы приобретём современнейшую автоматическую линию с программным управлением, и она будет каждую минуту выдавать несколько новеньких шестерёнок, над которыми старый станок трудился бы полдня.

Вот в этом-то и заключён главный смысл унификации. Он открывает возможность перехода от мелкосерийного, иногда даже полукустарного производства к массовому. Новейшие автоматические и поточ-

ные линии «не любят работать по мелочам». Им подавай огромные заказы, а унификация — одна из разновидностей стандартизации — как раз и предоставляет им такую возможность.

СЕМЕЙСТВО МАШИН

Семьи бывают, конечно, у людей. Иногда семьёй называют горстку жёлтых пушистых утят, вперевалку идущих за своей мамой-уткой к речке. С этим ещё можно согласиться — всё-таки они родственники. Но вот «семейство машин»?.. Это уже слишком! Не может же одна машина произойти от другой?

И тем не менее я знаю одну такую семью. А познакомился я с ней, когда на нашей улице сносили старый дом. Дом был вроде бы небольшой и ничем не приметный, разве что такой старый, что мимо было боязно проходить. Но когда его разломали, выросла огромная гора кирпича и щебня. Из нее угрожающе торчали железные прутья и толстые брёвна. Гора как бы говорила всем прохожим: «Ну-ка попробуйте подступиться!» И подступиться действительно никто не смел. Правда, строители попробовали разок вручную разобрать гору, но ничего у них не вышло. Вот тогда-то и отправились они за подмогой.

На следующий день вся улица проснулась раньше обычного от грозного рёва. Это не был шум обычного грузовика или автобуса. Скорее можно было подумать, что идёт танк. Я выглянул в окно и увидел странную машину на четырёх огромных колёсах. Каждое из них было выше человеческого роста. А рубцы протектора на нём были величиной с руку. Передвигалась машина как-то странно — задом наперёд. Мотор, который у всех машин впереди, у этой был сзади. На её моторе, таком же огромном, как и у трактора «Кировец», стояла надпись «МоАЗ».

Почему «МоАЗ», а не «МАЗ»? Позже я узнал, что «МАЗы» делает Минский автомобильный завод, а

«МоАЗы» — Могилёвский. Между тем «МоАЗ» решительно направился к снесённому дому. Выставил вперёд свой огромный, как у экскаватора, ковш и, грозно заревев, бросился на «гору». Ковш со скрежетом врезался в неё. Поднялась невообразимая пыль. Не успела она рассеяться, а «МоАЗ»-погрузчик уже вываливал содержимое своего ковша в подошедший трёхтонный самосвал. Под тяжестью кирпича и брёвен самосвал весь напрягся. Его кузов даже немного перекосялся. А ведь «МоАЗ» всыпал в него всего один ковш! Всыпать второй было уже некуда.

Вслед за первым самосвалом подкатил второй, потом ещё и ещё. Погрузчик работал без устали. Всё яростнее вгрызался он в развалины, поднимая, как пушинку, тяжёлые каменные блоки. Шофёры самосвалов уже совсем выбились из сил, им было не поспеть за этим богатырём.

А «МоАЗу» хоть бы что. Было видно, что хотя он и здорово работал, но всё-таки «вполсилы».

Шофёр погрузчика, раздосадованный на «самосвальщиков», выключил мотор. Сразу стало непривычно тихо. Открыв кабину, он спустился по лестнице вниз, спрыгнул на землю и огляделся вокруг. Не

найдя того, что было нужно, он задрав голову и крикнул жильцам нашего дома:

— Граждане, у кого есть телефон?

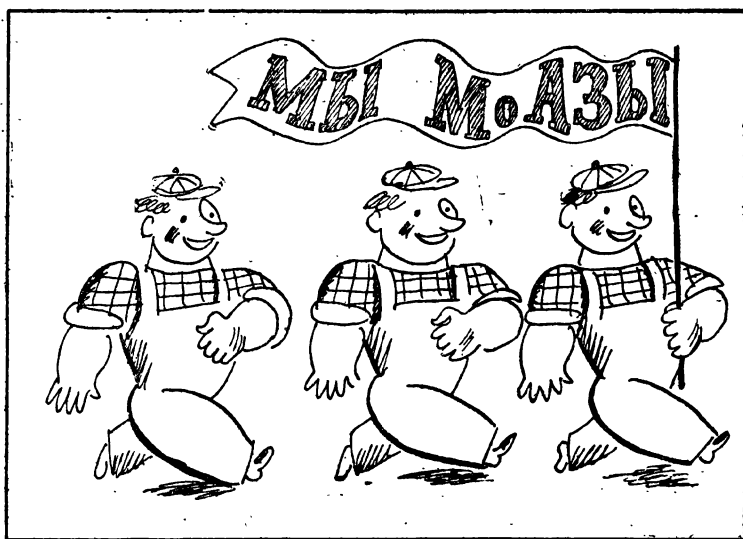
Надо сказать, что почти все наши жильцы сидели у окон, наблюдая за работой машины. Я вышел на балкон и попросил водителя подняться на второй этаж. Скоро он вошёл в комнату и направился прямо к телефону.

— Алло, гараж? Пришлите, пожалуйста, хотя бы одну машину, — попросил он. — Сейчас пришлют. — Шофёр повесил трубку.

— Простите, — спросил я, — зачем же вам ещё одна такая машина, если самосвалы и так еле-еле справляются с работой?

— Такая, да не совсем. То есть из того же семейства, но немного не такая, чуть-чуть похожая. Ведь братья из одной семьи тоже не совсем похожи друг на друга, — пошутил шофёр, поблагодарил за телефон и вышел. А я принялся ждать железного «братца».

Прошло с полчаса. И вот улица огласилась уже знакомым ревом. По ней шёл огромный грузовичко-самосвалище. Иначе не скажешь. В его кузов можно было поместить несколько обыкновенных самосвалов вместе с их грузом. На

радиаторе этой машины тоже было написано «МоАЗ». Но она была совершенно не похожа на погрузчик. «Вот так «братец», — подумал я. — В лучшем случае троюродный». Когда обе машины заработали вместе, поднялся такой шум, что в окнах задребезжали стёкла. Теперь уже погрузчик работал в полную силу. Раз за разом он поднимал и опускал в кузов сверхсамосвала тяжёлый ковш с кирпичом. В кузове «братца» выросла такая гора, что высыпи он её на пару обычных грузовиков — и исчезнут они, как будто их никогда и не было. А погрузчик всё трудился, всё подкидывал битый кирпич и щебень в кузов «братца».

К обеду развалины начали отступать. Ещё бы час — полтора хорошей работы, и от них ничего бы и не осталось. Но погрузчик наткнулся на громадную бетонную глыбу. Напрасно он яростно ревел мотором, скрежетал своим железным ковшом. Глыба была слишком велика — тонн пятнадцать, не меньше. Убедившись в этом, шофёры немного посовещались и решили вызвать третьего «братишку» своих «МоАЗ-ов»: эта была такая же громадная машина, только на этот раз — монтажный кран.

Не спеша, деловито подкатил он к глыбе. Рабочие за несколько минут подготовили кран к работе. Толстые стальные тросы обвили глыбу. Сомкнулись в железной хватке массивные крюки. Кран «МоАЗ» взревел двигателем, тросы натянулись как струны. Ещё усилие — и громадина-глыба повисла в воздухе. Мягко заработала хорошо смазанная лебёдка, и глыба поплыла к кузову «МоАЗа»-грузовика. Если бы кран положил её на обыкновенный самосвал! Даже страшно подумать. Наверное, его бы тут же расплющило, а этот — ничего. Пустил из выхлопной трубы облачко голубого дыма и, как ни в чем не бывало, покатил на свалку.

Когда «братцы» закончили работу и дружной колонной покидали нашу улицу, шофёр погрузчика притормозил под моим балконом. Вы-

сунувшись из кабины, он ещё раз поблагодарил меня и пригласил зайти к ним в гараж.

На следующий же день я решил воспользоваться этим приглашением. К сожалению, моего знакомого шофёра погрузчика в гараже не оказалось. Навстречу мне из проходной вышел пожилой механик. Сначала он казался очень строгим, но, узнав о цели моего посещения, приветливо сказал:

— Ну что же, пойдёмте.

Мы вошли в гараж.

— Всё, что здесь видите, — сказал он, — гордость советского автомобилестроения.

Под высоким навесом стояли громадные машины. Уже знакомый нам погрузчик, только другой, совсем новенький, тягач, снегоочиститель, дорожный каток, скрепер, лесовозный автопоезд и множество других машин; о назначении которых можно было только догадываться. Всего их было не меньше трёх десятков. На радиаторах машин крупными буквами было выдвинуто: «МоАЗ». Все они были разные. И по назначению и по внешнему виду. Лишь очень внимательно приглядевшись, можно было заметить в них кое-какие общие детали. Потом ещё. Сначала бросалось в глаза «оперение» машин — «крылья» и брызговые щитки. Кабины тоже ничем не отличались. А как они устроены внутри? Вот бы посмотреть такую машину в разобранном виде.

— Это можно. — Механик радушным жестом пригласил в просторный «бокс».

Здесь стояли две наполовину разобранные машины — наши старые знакомые — погрузчик и самосвал. Вокруг них хлопотали слесари. Над головой ярко горели лампы дневного света. Каждую деталь машины можно было хорошо рассмотреть.

В первую очередь захотелось посмотреть на рулевое управление, потому что ещё во время осмотра кабин оно показалось очень похожим. Так и есть — все детали совпадали. Ну, а как тормоза? И тор-

моза одинаковые! Силовые переда- чи, шины, даже двигатели у «МоАЗов» оказались одинаковыми. И чем дальше углублялся я в изу- чение их конструкции, тем больше находил сходства. Так бывает, ко- гда попадаешь в незнакомую семью и начинаешь разглядывать братьев и сестричек. Сначала все они ка- жутся мало похожими. Потом, при- глядываясь к ним внимательнее, видишь — носы у всех одинаковые, разрез глаз, линии лба. Словом, родственники есть родственники. Так и здесь: с каждой минутой у машин «МоАЗов» обнаружива- лось всё больше общих черт.

Но ведь можно собрать просто очень похожих людей и сказать, что они родные. Для того чтобы считать все «МоАЗы» семейством, надо, чтобы у них оказались и об- щие прародители — вот тогда в их родственных связях уже не будет никаких сомнений.

— А они есть, прародители, — ответил на мой вопрос пожилой ме- ханик, на минутку отлучавшийся к рабочим. — Это «МоАЗ»-тягач и «МоАЗ»-самосвал. С них-то всё и пошло.

Конструкторы Могилёвского ав- томобильного завода задались це- лью, взяв за основу эти две базо- вые модели, создать из них целое семейство самых разных машин. Это им удалось. Потому что они очень хорошо использовали методы унификации. Как вы, возможно, уже догадались, рулевое управле- ние, тормоза, ободья, двигатели не случайно оказались одинаковыми на всех машинах. Их детали были унифицированными. Применяя их в разных сочетаниях, конструкторы сумели из одних и тех же деталей создать много разных машин. Пра- вда, им пришлось всё-таки добавить и «оригинальных», заново разрабо- танных деталей, но их было не- много. В основном же для создания семейства «МоАЗов» были исполь- зованы унифицированные детали.

Да, это семейство! Именно так в технике называют группу машин, разработанных на основе какой-то исходной базовой модели.

Унификация важна не только в автомобилестроении, она может очень помочь даже там, где, каза- лось бы, трудно этого ожидать. На протяжении веков человек стре- мился к повышению скорости. По- всюду — на земле и на воде. На смену гребным судам пришли па- русники. Подгоняемые попутным ветром, они уверенно пересекали океанские просторы. Потом их сме- нили пароходы. Сначала они пере- двигались чуть быстрее фрегатов и клиперов, но вскоре их скорость увеличилась, и они полностью вы- теснили парусный флот. Судя осна- щались всё более мощными двига- телями, приобретали всё большую скорость! Это было необходимо, чтобы быстрее доставлять грузы, чтобы эффективнее использовать сами корабли. Поэтому на протя- жении многих лет шла ожесточён- ная борьба за скорость судов. Все считали, что быстрая доставка гру- зов зависит только от стремитель- ности судов.

Но тут произошло нечто непонят- ное. Скорость торговых судов и со- ответственно их цена продолжали расти, а грузы из Европы в Амери- ку доставлялись ничуть не быстрее, чем в давние годы. Попробовали ещё увеличить скорость — не по- могло. Тогда инженеры стали иск- ать причину этого непонятого яв- ления. Оказалось, что судно, на всех парах несущееся через океан сквозь бури и штормы, пришварто- вавшись в порту, по нескольку дней простаивает, ожидая своей очереди на разгрузку. Ожидание вместе с разгрузочными работами занима- ло по 20—25 дней. Какой же смысл гнать судно на предельной скоро- сти, а потом заставлять его неде- лями стоять в порту? Нельзя ли ускорить разгрузку торговых судов? Как ни старались инженеры меха- низировать труд грузчиков, приме- нять хитроумные погрузчики и ле- бёдки, результат продолжал оста- ваться весьма плачевным. Опустит- ься-ка в трюм большого корабля. Чего там только нет — тюки, бочки, ящики, пакеты. Конечно, нелегко разгрузить весь этот разнородный

груз. Вот если бы он имел одинаковый вес да подходящую форму, если бы его легко было подцепить крюками лебёдок и подъёмных кранов! Но разве такое возможно?

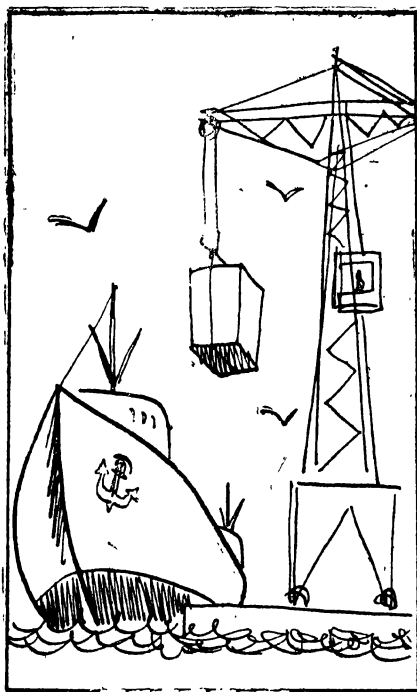
Вот тогда-то, почти потеряв надежду, инженеры вспомнили о такой простой вещи, как контейнер. Почему контейнеры должны быть привилегией железной дороги? Ведь их с успехом можно использовать на судах. Конечно, не такие контейнеры, как железнодорожные, а побольше, чтобы в них помещались даже автомобили!

Но что было бы, если бы каждый пароход перевозил контейнеры «своего» размера: один крупные, другой мелкие? Тогда, скопившись в порту, они были бы ничуть не лучше обычного «разнородного» груза. Поэтому решено было контейнеры унифицировать. Отныне стали применяться контейнеры на 10, 20, 30 и 40 тонн.

Результат превзошёл все, даже самые смелые ожидания. Сейчас судно-контейнеровоз водоизмещением 25 тысяч тонн разгружается не за двадцать суток, как это было раньше, а... за одни! Только-только подходит оно к причалу, и к нему уже тянутся могучие «руки» порталных кранов. Подцепляют тяжёлые контейнеры, весящие десятки тонн, и переносят их на берег за считанные минуты. Конструкция современных контейнеров позволяет перевозить в них почти любые грузы — пшеницу, домашних животных, есть даже контейнеры-рефрижераторы. Специалисты предполагают, что к 1975 году в контейнерах будет перевозиться до 80 процентов всех грузов.

Всё больше контейнеровозов бороздит просторы морей и океанов. Никто не сомневается, что это наилучший вид транспортировки грузов. Но так уж устроена жизнь, что на смену хорошему приходит лучшее.

Не так давно на океанских линиях появилось судно, которое сначала никого не заинтересовало. На его борту были аккуратно закреплены 73 унифицированные баржи.

Когда оно вошло в порт, то, вместо того чтобы направиться прямо к мощным кранам, остановилось поодаль. Матросы этого странного судна принялись подцеплять лебёдкой и опускать на воду свои баржи. Подошедший буксир тут же подводил их к берегу. Баржи оказались своеобразными «плавающими контейнерами». В их трюмах точно так же, как и в обычных контейнерах, были сложены товары. Бывалые моряки сразу оценили преимущества нового судна, ведь контейнеровозы могли заходить лишь в большие порты, где достаточно мощных кранов, это же судно спускало на воду свои баржи без посторонней помощи. Значит, оно могло разгрузиться в любом порту. Был у барж-контейнеров и ещё один секрет. Ни один, даже самый ловкий воришка не мог с них ничего украсть, потому что крышки их люков весили несколько тонн и открыть их можно было лишь с помощью крана.

Но не все сразу согласились с тем, что суда «ЛЭШ» — так их окрестили на международных линиях — лучше, чем контейнеровозы.

И вот тогда, чтобы раз и навсегда выяснить, какое судно лучше, несколько контейнеровозов и «баржевозов» отправились в совместное плавание. Судам предстояло зайти в одиннадцать портов разных стран. Когда плавание было закончено, оказалось, что суда «ЛЭШ» простояли под погрузкой и разгрузкой 100 часов, а контейнерные суда целых 216 часов! К тому же «баржевозы» перевезли на две трети больше грузов. После этого уже никто не сомневался в преимуществах нового типа судна.

Однако его успех не означает, что контейнеровозы больше не нужны. Их всё же целесообразнее использовать при перевозке дорогостоящих грузов. Целесообразнее потому, что они обеспечивают лучшую сохранность товаров. В них лучше перевозить телевизоры, транзисторные приёмники, приборы. А тюки с хлопком, промышленное сырьё и другие грузы, занимающие много места, лучше перевозить на судах «ЛЭШ».

И всё-таки, какой бы вид судов

ни использовался, и контейнеры и баржи должны быть унифицированными, иначе возникнет невероятный разнобой. Контейнеры всех размеров перепутаются и превратятся в неряшливую свалку. Большие суда «ЛЭШ» будут налетать на маленькие и ломать их, а на палубах кораблей-«маток» не удастся установить ни контейнеры, ни баржи, потому что крепления не будут подходить по размеру. Одни будут больше, другие меньше, чем нужно. Только унификация может увязать в стройную систему размеры судов, контейнеров, причалов и железнодорожных вагонов. Она здесь необходима ничуть не меньше, чем при изготовлении автомобиля или станка.

Сейчас работы по унификации только-только по-настоящему разворачиваются. Ведь то, что вы сейчас прочли, для большинства из вас было в новинку. Но скоро придёт время, когда вопрос «что общего между холодильником и мотоциклом» ни у кого больше не будет вызывать недоумения.

Иосиф КУРЛАТ

МУРАВЕЙ

*По дорожке по прямой,
Деловит и важен,
Муравей бежал домой
Со своей поклажей.
Только к дому путь далёк
И трудна тропинка...
Стебелёчек, стебелёк —
Ты ведь не пушинка!
Муравей тащил бревно!
Их обоих взвесить —
Тяжелей его оно
Раз примерно в десять!*

*Муравью б — приличный
рост,
Вид спортивный, гордый:
Он бы вышел на помост,
Все побив рекорды.
Чур! Его не обижать!
Прямо, не сгибаясь,
Нам бы так с бревном
бежать,
Солнцу улыбаясь.*

Два брата Джон и Дэвид Консет — жители штата Миннесота (США) — решили совершить кругосветное путешествие... пешком. Они покинули родной дом в июне 1970 года. Пешком добрались до Нью-Йорка. На самолёте пересекли океан и продолжали пешее путешествие по

землям Португалии, Испании, Франции, Италии, Югославии, Болгарии, Турции, Ирана.

Своё имущество братья везут на муле. За день они покрывают примерно 35 километров. Своё кругосветное путешествие они надеются завершить в сентябре будущего года.

ОТ КАТАСТРОФЫ СПАС... СЕНОВАЛ!

Курьёзный случай произошёл в местечке Ремс, недалеко от австрийского города Санкт-Пельтена. У двухместного самолёта в полёте неожиданно отказал двигатель. При планировании самолёт заце-

пился за крышу крестьянского дома и упал во дворе усадьбы на сеновал. «Мягкая» посадка спасла жизнь пилоту и пассажиру. Они отделались лишь испугом и лёгкими ранениями.

ЧУТЬ НЕ НАЕХАЛ НА... ЛЬВА!

В Южной Родезии африканец-полицейский отправился утром на велосипеде в объезд своего участка в районе Шамва. За очередным поворотом он чуть не наехал на... спящего льва. Полицейский зазвонил и остановился.

полицейский оказался не из робких. Схватив велосипед, он швырнул его в льва. Грозный

УНИКАЛЬНЫЕ ЧАСЫ

В городе Вернбурге (ГДР) есть достопримечательность: оригинальные часы, которым уже почти 100 лет. В 1875 году мастер Иоганн Фукс сделал их для башни ратуши.

На 23 циферблатах они и по сей день показывают точное время многих столиц мира. демонстрируют расположение планет Солнечной системы, движение и отдельные фазы Луны. Особенно интересен механизм, с помощью которого одна из стрелок часов совершает полный оборот за четыре года, причём даже после високосного года она показывает точное календарное число.

Разбуженный царь зверей вскочил на ноги, зарычал и свирепо устался на нарушителя покоя. Однако

зверь настолько опешил, что счёл благоразумным убраться подобру-поздорову.

...встречается и чёрная берёза? Растёт такая берёза на полезащитной лесной полосе колхоза имени Горького Болховского района Орловской области. Её кора и ветви по форме не отличаются от белоствольных красавиц, но по цвету — чёрные. Полосу колхозники заложили вскоре после войны на земле, изрытой окопами и воронками от снарядов.

★
...в нашей стране издаются на 22 языках народов СССР 28 пионерских газет и 40 детских журналов общим тиражом свыше 39 миллионов экземпляров? Разовый тираж любимой газеты юных ленинцев — «Пионерской правды» — достиг почти 10 миллионов, журнала «Юный натуралист» — 2 миллионов, журнала «Пионер» — 1,5 миллиона экземпляров.

★
...в Советском Союзе обитает более 600 видов птиц и почти половина их — насекомоядные? Скворец, например, приносит корм птенцам 150—200 раз в день, причём не мелкими мошками, а крупными насекомыми — майскими жуками, их личинками. А 10 личинок майского жука способны уничтожить всю растительность на одном квадратном метре. Поэтому не будь птиц, не было бы и здоровой растительности, не было бы хорошего урожая плодов, овощей, зерна.

★
...в Индийском океане в районе Коморских островов удалось поймать и сохранить живой самую «старую» в мире рыбу из группы целакантов? Её вес — 10 килограммов, длина — 90 сантиметров. Ещё в 1938 году был выловлен первый экземпляр целаканта. Тогда это произвело настоящую сенсацию в научном мире, так как мало кто мог предположить, что рыба, существовавшая ещё в девонский период — за 300 миллионов лет до нашей эры, и поныне живёт в водах юго-восточной Африки. Затем в Индийском океане попался ещё один экземпляр целаканта. Но радость омрачилась тем, что учёным не удавалось сохранить представителя ископаемой рыбы живым. И вот успех — живой целакант находится в исследовательской лаборатории.

★
...самое крупное речное судно в мире спущено на воду реки Миссисипи (США)? Корабль изготовлен из лёгких сплавов алюминия и может принять на борт свыше 4 тысяч пассажиров.

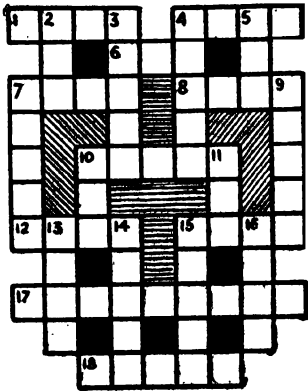

...сведения о пёстром мире растительности нашей страны за последние восемь лет обогатились более чем на четверть? Учёные собрали гербарии из 4500 новых видов растений, обнаруженных экспедициями в малодоступных районах страны. На альпийских лугах Памира и Кавказа найдено 25 новых видов тюльпанов. Неизвестные эремурусы, сциллы, анемоны и гиацинты сорваны на высокогорных хребтах Сибири и Средней Азии. «Лесной реестр» страны пополнился 60 видами берёз. Выявлено 400 новых представителей семейства роз, более 600 новых видов бобовых и злаковых растений.

★
...«перепись» муравьёв впервые проведена в Заилийском Алатау? Учёные насчитали здесь 26 видов этих неутомимых тружеников — санитаров леса. Некоторые виды муравьёв поселились близ вечных снегов на высоте 3000 метров над уровнем моря. Всё муравьиное население на юге Казахстана взято под охрану государства.

★
...в Австралии запущен в воздушное пространство самый большой в мире воздушный шар? Этот шар диаметром 150 метров во время полёта достиг высоты 46 километров.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Боевая бронированная машина на гусеничном ходу с мощным вооружением. 4. Парнокопытное животное, самый крупный вид из семейства оленей. 6. Торжественное лирическое стихотворение классического стиля. 7. Предмет домашней мебели. 8. Пищевой продукт, получаемый при размоле зерна. 10. Вытянутый залив с извилистыми, невысокими берегами. 12. Название глубоко вдающихся в сушу заливов и бухт, в которые впадают сравнительно крупные реки. 15. Полуостров в Греции, восточный выступ Халкидонского полуострова. 17. Лёгкая двухколёсная повозка, в которую впрягается одна лошадь. 18. Многолетняя трава семейства зонтичных.

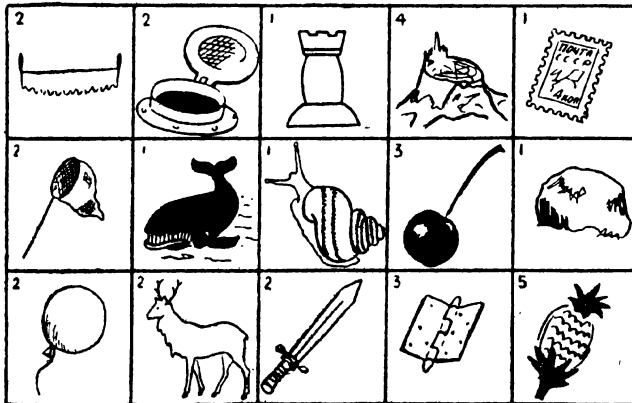
Отдел ведёт Вадим Ацентьев

По вертикали. 2. Положение, когда мяч выходит за пределы площадки, установленной правилами спортивной игры. 3. Порода собак. 4. Осветительный прибор, излучающий световой поток. 5. Река в Куйбышевской области, левый приток Волги. 7. Старинное русское гребное или парусное деревянное судно. 9. Инертный газ, используемый для светящихся реклам. 10. Сложная ткань, важнейшей функцией которой является проведение в разные части тела растения органических веществ. 11. Первые мореходные высокобортовые парусные суда, появившиеся в X веке. 13. Горная страна, простирающаяся с севера на юг, разделяющая Европу и Азию. 14. Медицинское средство. 15. Старинный русский раннезимний сорт яблони. 16. Яровое злаковое растение, употребляемое на корм лошадей.

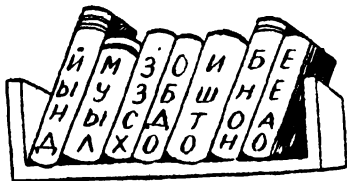
ГОВОРЯЩИЕ КАРТИНКИ

Для того, чтобы заставить говорить эти картинки, надо догадаться, что обозначают цифры в уголке каждого квадрата.

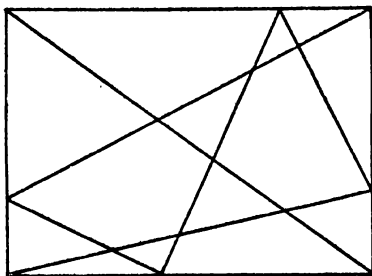
КНИЖНАЯ ПОЛКА

Переложите книги на полке так, чтобы на корешках можно было прочесть поговорку.

СКОЛЬКО ТРЕУГОЛЬНИКОВ?

Попробуйте разобраться, сколько треугольников на этом рисунке. Хотим дать совет: если вы обозначите какой-либо буквой все точки пересечения прямых линий, то подсчёт треугольников значительно упростится.

Содержание

Я в долгу. Утро. Стихи Ш. Арсанукаева	1
Рассказ о Марии Васильевне и четырёх красках. Рассказ И. Туричина	3
Птичий обычай. Чудак. Стихи Д. Малкина	15
Скука — не веселье. Рассказ А. Ельянова	16
Как родился родничок. Сти- хотворение Л. Куклина	23
Слушайте песню перьев. Про- должение повести Н. Вну- кова	24
Разрешите пройти! Рассказ В. Голявкина	41
Осенний зоопарк. Эльбрус. «Спит посёлок...» Стихи Л. Замятнина	42
История без тайн. Рассказ О. Панку-Яш	43
С лукошком по земному шару. Статья П. Сигунова	46
Долой разнбой. Статья В. Бе- лоусова	53
Муравей. Стихотворение И. Курлата	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки ри-
сунк художника Ю. Шабанова
«Урожай».

На 2-й странице обложки песня
Л. Печникова на слова З. Ямполь-
ского «Люблю я стронть!»

На 3-й странице обложки фото-
этюд И. Фёдорова «Скоро в пла-
ванье».

На 4-й странице обложки рису-
нок художника А. Курушина «На-
стоящие друзья».

Редактор В. Л. БИАНКИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслев (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон 12-87-55
Сдано в набор 21/VI 1972 г. Подписано к печати 11/VIII 1972 г. 4 печ. л.
М-16046. Заказ № 790. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57

— Помогу я в дождик другу !

... Что ж, услуга за услугу.